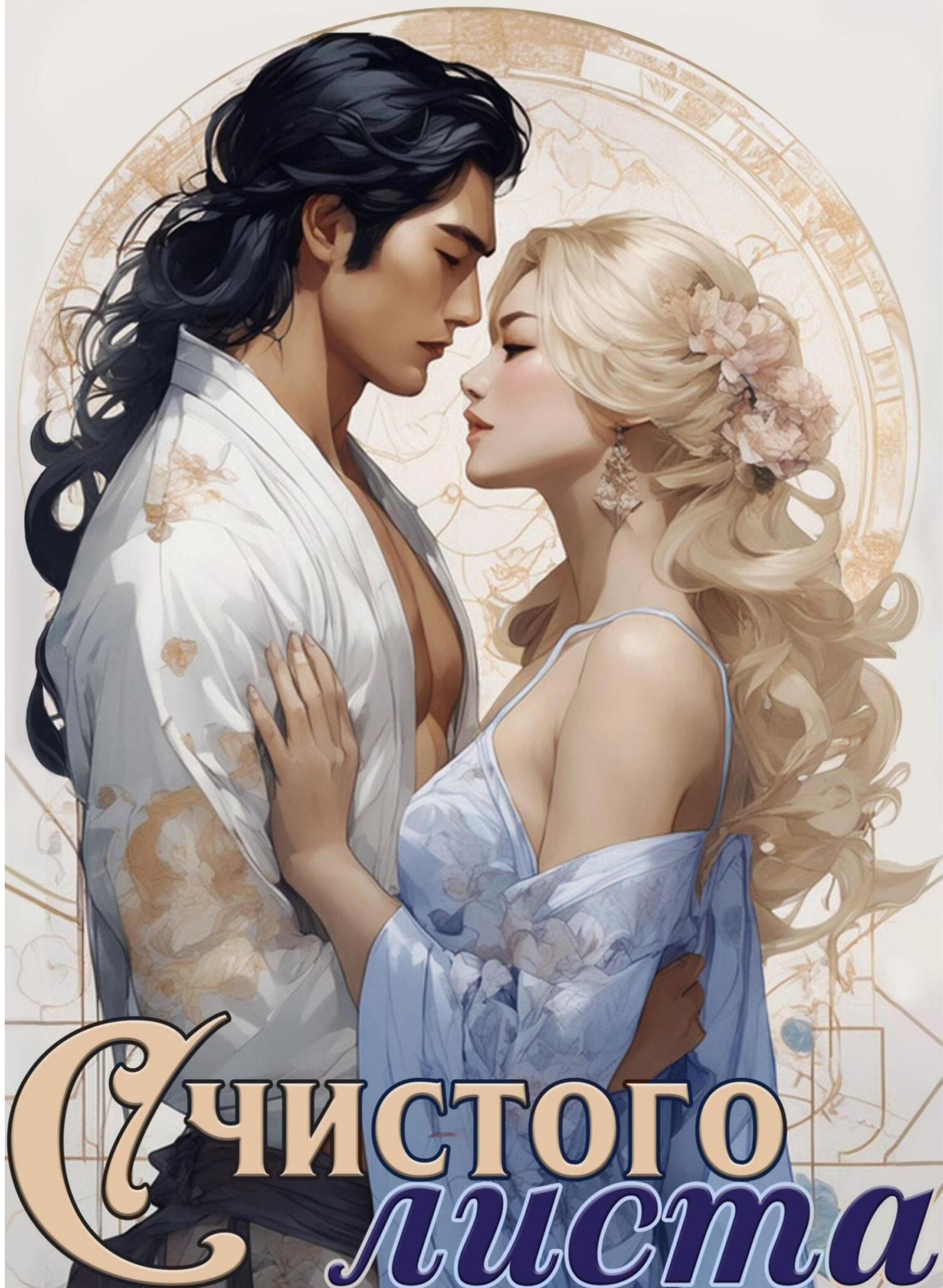

Нина Ахминеева

СЧИСТОГО
Листа

Нина Ахминеева
С чистого листа

«Автор»

2024

Ахминеева Н. П.

С чистого листа / Н. П. Ахминеева — «Автор», 2024

После пожара я не помню ни своего имени, ни прошлого. Говорят, что я — Ярослава Игнатъева, простолюдинка и дочь артефактора-неудачника. Но так ли это? Тем более мои внезапно открывшиеся способности нереальны даже для отпрысков древних высокородных родов. Кто же я на самом деле? И откуда так хорошо владею японским? Примечания автора: ОДНОТОМНИК!
Корректор/редактор Татьяна Лучникова
Иллюстрации Вера Антипова

© Ахминеева Н. П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 9	48
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Нина Ахминеева

С чистого листа

Глава 1

В одиночной палате реанимации царил мягкий полумрак. Голубоватая светящаяся жидкость приятно расслабляла тело. В этой то ли ванне, то ли открытой капсуле я лежала, по моим расчетам, часа четыре.

Кто я?

Одна и та же мысль беспрестанно крутилась в голове. Несколько смутно, но помнила то, что происходило сразу после пожара. А вот все, что до него, – как отрезало. Я даже не могла вспомнить собственного имени. Моего прошлого словно и не было.

Как оказалась в том странном помещении без окон? Кто и зачем запер дверь изнутри? Вновь и вновь задавала себе вопросы, ответов не находила.

Приподнявшись, в который раз посмотрела в большое окно на стене. Дежурный врач в белоснежной униформе все так же сидел за столом и наблюдал за показаниями множества медицинских приборов. С досадой поджимая губы, темноволосый мужчина то и дело неодобрительно покачивал головой.

Внезапно доктор пристально посмотрел в мою сторону. С крайне задумчивым выражением почесав пальцем густую бровь, неторопливо встал из-за стола. Тихонько скрипнула дверь. Через пару мгновений услышала его голос:

– Думаю, вам уже можно перейти на кровать.

Не глядя на вошедшего, села. Голубая жидкость едва прикрывала обнаженную грудь. Прежде, когда все болело, мне была безразлична собственная нагота. Но теперь испытывала смущение.

– Я сейчас не мужчина, а врач, – строго произнес реаниматолог. – Без моей помощи вам будет сложно выбраться. Можете поскользнуться, – добавил миролюбиво.

Глянув в умные, усталые глаза, помедлила несколько мгновений. Затем привычным движением собрала липнущие к плечам и спине длинные светлые волосы, аккуратно отжала. Придерживая их одной рукой, вторую вложила в протянутую ладонь и неторопливо встала. Без происшествий выбравшись из капсулы, с благодарностью приняла от доктора большую простынь и закуталась.

– Напомните, как вас зовут, – попросила, прекрасно зная, что мужчина раньше не представлялся.

– А я и не говорил, – хмыкнул тот, указав на стоящую подле окна сложную медицинскую кровать. – Евгений Петрович Хабаров, врач-реаниматолог высшей категории краснодарской центральной больницы.

– Очень приятно, – тихонько выдохнула и направилась к своему новому ложу. Присев на краешек, поинтересовалась: – Евгений Петрович, что с моей памятью?

Спустя пару долгих мгновений медик глухо ответил:

– Нейрофизиология не мой профиль. Слуховые, зрительные, моторные функции у вас не нарушены. Кратковременная память в норме. Это вне сомнений, – внезапно замолчал, он отвел взгляд и с неохотой продолжил: – У вас очень необычная блокировка именно на личность и все, что с ней связано. Предполагаю, так своеобразно проявилась реакция на стресс. Необходима развернутая диагностика, лечение у профильных специалистов...

– Ясно. Перспективы туманные, – перебила я, кривовато улыбнувшись. – В том доме, где случился пожар, еще кого-либо нашли? – довольно витиевато сформулировав вопрос, замерла в ожидании.

На лице мужчины промелькнула тень то ли сожаления, то ли растерянности. Он, определенно, что-то знал. Но вот расскажет ли?

– Отдыхайте, – не став отвечать, строго заявил реаниматолог. – Вот, возьмите, – вытащив из кармана яркую пластиковую упаковку, протянул мне и пояснил: – Думаю, вы голодны. Это детское фруктовое пюре. Полноценный завтрак будет только утром, как и душ. В ожоговой реанимации ни его, ни фена нет, – он задумчиво посмотрел на мои волосы. – А я *не открывшийся*. Голову высушите полотенцем, – указал на лежащее в изголовье кровати маленькое полотенчко.

Не особо разобрав, что он сейчас сказал, кивнула. Неожиданно резко развернувшись, доктор стремительно направился к выходу, и уже через миг плотно закрыл за собой стеклянную дверь.

Странный он какой-то...

Удивленно пожала плечами, забралась с ногами на кровать и прислонилась спиной к стене. Взгляд скользнул по малюсенькому кусочку ткани, именуемому полотенцем. Его явно не хватит, чтобы даже слегка подсушить мою гриву. Ладно, так обсохнут.

Неспешно открыв крышечку на упаковке, попробовала содержимое. Вкусно. Перевела задумчивый взгляд в окно. Стояла ночь, на темном небосводе мерцали загадочным светом звезды.

М-да. Уж попала, так попала. Но как бы там ни было плакать и проклинать злодейку судьбу не собиралась. Жива. Руки-ноги целы. Значит не пропаду.

Спать не хотелось. Я сидела, прижавшись спиной к стене, и смотрела на больничный двор. Деревья и лавочки постепенно становились видны все отчетливее: скоро начнет светать. В животе заурчало. Тяжко вздохнув, глянула на пустой пакетик из-под пюре. Жутко хотелось есть.

Еще, что ли, попросить?

Не меняя позы, посмотрела в окно, отделяющее палату от помещения для врача. Неожиданно Евгений Петрович быстро поднялся из-за стола. К нему подошли мужчина и женщина в белоснежных халатах. Приветствуя их, дежурный врач уважительно поклонился.

Кто бы это мог быть?

Я с интересом разглядывала визитеров. Мужчина седоват, высок, плечист. Женщина миниатюрна, выглядит безупречно, несмотря на ночь, темные волосы уложены прядка к прядке. На лице властное выражение. Сложилось четкое впечатление, что она привыкла руководить.

Может, по мою душу нейрофизиологи? Вот бы послушать, о чем пойдет разговор!

В это же мгновение до меня долетели звуки речи. Не веря в происходящее, ошарашенно замерла. Неужто начались слуховые галлюцинации? Но нет, невзирая на значительное расстояние и запертую дверь, я действительно отчетливо слышала.

– ...только из уважения к вам. Надеюсь, причина вызвать нас обоих посреди ночи веская, – несколько раздраженно проговорила женщина. – Савелию Андреевичу с утра на сложную операцию, – она сердито поджала губы.

– Более чем, Тамара Валерьевна, – уверенно сообщил дежурный реаниматолог.

– Что тут у вас стряслось? – довольно миролюбиво прогудел спутник суровой женщины. Повернувшись к окну в палату, прищурился. Он явно смотрел на меня.

Я прекрасно понимала, что нахожусь в тени, и стоящий на свету мужчина видит лишь мой силуэт. Однако застыла недвижимо и внутренне сжалась. Почему-то мне казалось, что такое умение явно ненормальное.

Тем временем Тамара Валерьевна тоже бросила взгляд в окно. Неодобрительно качнув головой, она нахмурилась и строго спросила:

– Почему не нуждающийся в реанимации пациент не переведен в общую палату?

– Из-за этой поразительно бодрой девушки я и попросил так срочно вас приехать, – не выказывая нервозности, отозвался Евгений Петрович. Повернувшись к столу, взял тоненькую стопочку листов. Затем начал докладывать: – Пять часов назад пациентку в защитном куполе доставили к нам спасатели. При визуальном осмотре мною установлено наличие глубоких ожогов на площади восемьдесят процентов. Согласно протоколу, экстренно поместил ее в поддерживающий раствор. Приготовился лить, но не смог катетеризировать. На этом лечение закончилось.

Боясь лишний раз шелохнуться и привлечь к себе внимание, я всматривалась в застывшие от удивления лица ночных посетителей и пыталась уложить в голове услышанное. Как такое может быть?!

Меж тем, выдержав паузу, Евгений Петрович сухо продолжил:

– Ни единого препарата ввести не удалось: в месте соприкосновения с кожей иглы ломались. В момент помещения в лечебную капсулу я успел сделать поверхностное диагностирование энергетических каналов. На этом все, в дальнейшем тело девушки стало для наших приборов незаметным. Они работают исправно, однако ее не видят. Все имеющиеся в моем распоряжении лечебные и диагностические артефакты при приближении к пациентке самостоятельно переходят в спящий режим. За три часа одиннадцать минут кожные покровы полностью восстановились. Даже волосы отрасли. Жалоб не имеет. Состояние удовлетворительное, – реаниматолог передал бумаги хмурящейся женщине.

– Результаты какие-то бредовые. С такой плотностью и скоростью эфир просто не способен циркулировать в теле, – глухо произнесла та, не отводя взора от листов. – Девушка сказала, к какому принадлежит роду?

– Нет, – качнул головой Евгений Петрович. – И родственники пока не объявлялись.

– Покажи, – попросил спутник Тамары Валерьевны. Взяв протянутые документы, взгляделся в них. – Да уж, – пробормотал задумчиво. – Может, она отпрыск древних высокородных? – сделав предположение, тотчас неодобрительно поморщился.

– Даже у них такого не бывает. Лучше нас же знаешь, – опередив реаниматолога, тихо ответила Тамара Валерьевна. – Имперский род? – она остро глянула на мужчину. Заметив на его лице скепсис, с досадой поджала губы и тут же сама ответила: – Маловероятно, – задумчиво помолчав, поинтересовалась у Евгения Петровича: – Что пациентка рассказывает о себе?

– Ничего, – отозвался реаниматолог. – У нее нарушена долгосрочная память, но своеобразно – не помнит только то, что связано с ее личностью. Понимаю, ваш супруг не психиатр и даже не нейрофизиолог, но он очень уважаемый нейрохирург, – Евгений Петрович помялся и тихо признался: – В общем, до вашего решения, как главврача, приглашать штатных специалистов я не рискнул. Медсестер отпустил. Мало ли, что у нас тут за особа, – он покосился на окно в палату.

Кивнув, Тамара Валерьевна вопросительно глянула на мужа.

– Пойдем посмотрим, – деловито сообщил тот и направился к выходу.

Прикрыв на миг глаза, я почувствовала, как в груди быстро-быстро бьется сердце. Сама по себе вылечилась. Способна слышать сквозь стены...

Что я вообще такое?!

Так, стоп! Не паниковать!

Изобразив на лице вежливое выражение, посмотрела на приближающегося нейрохирурга.

– Здравствуйте, здравствуйте! – добродушно пророкотал тот.

Не дойдя до кровати буквально пару метров, он неожиданно замер. Его улыбка медленно сползла, уступив место неверию, граничащему с изумлением.

Не понимая, что произошло, я вопросительно глядела на мужчину. Из-за его широкой спины, перекрывающей обзор, послышался голос Тамары Валерьевны:

– Доброе утро, – обогнув супруга, она хмуро глянула на него, а после перевела взор на меня. И ошарашенно прошептала: – Яра?

Пожав плечами, хрипло ответила:

– Я не помню своего имени.

В глазах женщины появились неподдельное сочувствие и жалость. Присев на краешек кровати, она внезапно взяла меня за руку и шепнула:

– Все будет хорошо.

Савелий Андреевич тем временем обернулся и севшим голосом поинтересовался у стоящего в дверном проеме реаниматолога:

– Откуда ее привезли?

– Минуту, – отозвался Евгений Петрович и куда-то отошел. Через несколько мгновений вернувшись, доложил: – Пожар произошел в доме 716, улица Российская.

Лицо Савелия Андреевича моментально превратилось в каменную маску. Поиграв желваками на скулах, он вновь задал вопрос:

– Еще пострадавшие есть?

– Да, – Евгений Петрович кивнул. Явно находясь в замешательстве, глянул на меня, а затем вопросительно посмотрел на нейрохирурга. Тот моментально нахмурился.

– Расскажите, пожалуйста, при мне, – негромко, но твердо попросила я.

– Говорите, – через пару долгих мгновений разрешил Савелий Андреевич.

Реаниматолог бесшумно подошел к нам. Кашлянув, сообщил:

– Еще один пострадавший – мужчина. Доставлен в наш морг. Личность пока не установлена. Я попросил патологоанатомов, думал пригодится, – он неожиданно замолчал. Потом достал из кармана мобильный и показал дисплей нейрохирургу.

– Я знаю, кто он, – холодно сказал тот. Помолчал, перевел взгляд на меня. Его голос потеплел. – Меня зовут Савелий Андреевич Игнатъев, рядом с тобой моя супруга, Тамара Валерьевна Игнатъевна. Тебе семнадцать лет, зовут Ярослава Владимировна Игнатъева. Ты простолюдинка и дочь моего родного брата Владимира Андреевича Игнатъева. Вы жили вдвоем в том доме, где произошел пожар. А с сегодняшнего дня ты будешь жить в нашей семье, – уверенно произнес, непрерывно отслеживая мою реакцию.

А я, просто сидела и молчала. На лицах мужчины и женщины видела неподдельную тревогу и беспокойство. Однако родственных чувств к этим людям, как и скорби о кончине того, кого назвали моим отцом, не испытывала. Совсем.

Но отчего-то каждой клеточкой тела чувствовала, что они мне не лгут. Может искренне заблуждаются? Впрочем, окончательные выводы делать пока рано.

Не видя смысла притворяться, я негромко произнесла:

– Моя память будто черный провал. Ваши слова не вызвали никаких воспоминаний о прошлом. Я не помню отца, – тяжело вздохнула и добавила: – Мне жаль, но и вас не узнаю.

Женщина крепко сжала мою ладонь.

– Яра, мы о тебе позаботимся, – в ее голосе прозвучало непритворное сочувствие. – Ты пока немного побудь здесь. Мы решим кое-какие организационные вопросы и поедем домой, – нежная улыбка поразительно изменила лицо такой суровой прежде женщины. – Как ты себя чувствуешь? Что-то беспокоит? – поинтересовалась она участливо и одновременно профессионально.

Находясь под перекрестными взглядами трех врачей, я сохраняла хладнокровие. Беспокойло меня очень и очень многое. Но, естественно, об этом говорить не собиралась.

– Я голодна, – сообщила искренне.

– Не сомневаюсь, – пробормотал Евгений Петрович.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – обнадежила Тамара Валерьевна.

Не спускающий с меня глаз Савелий Андреевич улыбнулся. Кивнув мне, он со значением глянул на Евгения Петровича и, не прощаясь, вместе с реаниматологом вышел из палаты.

Задержавшись, главврач осторожно дотронулась до моих волос и шепнула:

– Не волнуйся, – в который раз повторила: – Все будет хорошо, —затем быстро направилась к двери и плотно закрыла ее за собой. Но не себя ли она успокаивала?

Прислонившись к облюбованной стене, я пристально наблюдала за беседующими за стеклом медиками. И да, вновь все слышала.

– ... что думаешь? – Тамара Валерьевна смотрела на супруга.

– Отклонений сейчас не вижу, – уверенно ответил тот. – Надо наблюдать в динамике.

Озабоченно нахмурившись, главврач помолчала, а после обратилась к реаниматологу:

– Евгений Петрович, вы опытный врач, умный мужчина. Ваша работа и предусмотрительность будет оценена мною по достоинству, – ее голос прозвучал многозначительно.

– Данные изменю, – невозмутимо кивнул реаниматолог. – Спасателям не впервой ошибаться, – хмыкнул. – В приемном покое камеры не работают. До сих пор не починили, – он лукаво глянул на невозмутимую начальницу. – Медсестра к пациентке практически не подходила. В любом случае, будет держать язык за зубами, – добавил уверенно.

– Вот и славно, – промолвила Тамара Валерьевна. – Минут через сорок мы заберем Яру. Медсестру все же не подпускайте. И покормите девочку чем-нибудь.

– Вопрос – чем именно? – пробормотал врач, провожая взглядом ночных визитеров.

Поправив на груди сползшую простыню, я с силой потерла ладонями лицо. Не покидало ощущение, что вновь обретенные дядя и тетя совершенно не расстроены гибелью близкого родственника, однако искренне готовы мне помочь.

Эх, сплошные вопросы. Причем с каждым разом серьезнее и серьезнее.

Прикрыв глаза, я прислушалась к урчанию пустого желудка. Упрямо сжала губы. Буду решать проблемы по мере их поступления. Нечего себя накручивать.

Несколькими часами ранее. Токио. Хризантемовый дворец

Огромная ярко-розовая луна отчетливо виднелась в темном небе. На балконе шикарного особняка стоял невысокий, шуплый мужчина. Облокотившись о резные перила, он любовался бескрайним океаном.

– Мой господин, простите, что тревожу в столь неурочный час, но дело не терпит отлагательств, – послышался взволнованный старческий голос.

Повернувшись, император Ичиро безэмоционально посмотрел на воодушевленного чем-то ученого.

– Говори, – произнес лениво.

– Мы зафиксировали выброс *силы*. *Той самой!* – глаза старика заблестели от переполняющих эмоций.

– Где? – в голосе могущественного человека зазвенел металл.

– На территории России. Пока точно не могу сказать, где именно, – с досадой признался ученый.

– Ищи, – во властном тоне мужчины слышалась неприкрытая угроза. – Ты обязан найти.

– Знаю, господин, – согнувшись в три погибели, пробормотал старик. – Сделаю все, что в моих силах. И даже больше, – пробубнил, не осмеливаясь поднять глаз.

Глава 2

Облаченная в халатик медсестры, я стояла в помещении для врача и дожевывала печенье. Проглотив последний кусочек, нацепила медицинскую маску, поправила на голове шапочку и вопросительно посмотрела на Тамару Валерьевну.

– На практикантку похожа, – усмехнулась та. – Пойдем, Яра. Нас Савелий в машине ждет.

– Подождите! – Евгений Петрович принялся рыться в нижнем ящике стола. Выудив из его недр за серебристую цепочку кулон с голубовато-прозрачным камнем, протянул мне. – У вас на шее было. Оставшиеся от одежды клочки утилизированы.

– Спасибо, – кивнув, взяла украшение.

Зажав его в ладони, постояла пару минут. Вроде бы и знакомое, но нет ни единого воспоминания. Точно так же, как и ощущения, что это украшение мое.

Жаль.

Грустно вздохнув, положила кулон в карман халата, вновь глянула на Тамару Валерьевну. Подбадривающе улыбнувшись, та подошла к входной двери и уверенно распахнула ее.

– До свидания, – кивнула я Евгению Петровичу и последовала за вышедшей в коридор женщиной.

Идя на шаг впереди меня, Тамара Валерьевна скупно отвечала на приветствия изредка встречающихся сотрудников. Практикантка же, семенящая следом за главврачом, действительно никого не интересовала.

Мы без происшествий покинули больницу через служебный выход. На улице я немного замешкалась, разглядывая припаркованный поблизости массивный черный автомобиль.

– Садись сзади, – шепнула Тамара Валерьевна. Словно показывая, куда именно, пассажирская дверца приоткрылась.

Я поспешно нырнула в салон. Через миг тетя уселась впереди, рядом с Савелием Андреевичем. Двигатель заурчал, автомобиль плавно двинулся вдоль больничного корпуса.

– Проблемы были? – негромко поинтересовался у супруги мужчина.

– Нет, – откликнулась главврач.

Не говоря более ни слова, дядя сосредоточился на управлении машиной.

Такое ощущение, что меня не дядя с тетей из больницы домой забрали, а выкрали бандиты. Я кривовато усмехнулась. Очень надеюсь, что причину такого поведения все же узнаю: супруги врачи однозначно мне зла не желают. Почему так уверена? Просто чувствую и все.

А вот хоть как-то разобраться во взаимоотношениях новообретенных родственников с... отцом совсем не помешает: больно странно они отреагировали на его гибель. Да и мама должна у меня быть. Почему-то о ней даже не упомянули.

Откинувшись на спинку сидения, сняла с лица медицинскую маску и негромко позвала:

– Тамара Валерьевна.

– Что, Ярочка? – обернулась ко мне женщина.

– Вы можете рассказать о моей маме?

Обменявшись долгими взглядами с супругом, тетя дождалась его едва заметного кивка, затем проговорила:

– Ее звали Александра. Как и все мы, она простолюдинка, не открывшаяся. Родителей своих не знала, воспитывалась в детском доме. Светлые волосы и голубые глаза у тебя от нее, – она едва заметно улыбнулась и с неприкрытой грустью промолвила: – Ты была совсем малышкой, когда Саша скоропостижно умерла, – вздохнув, продолжила: – У тебя с нашей дочерью Светланой разница в полтора года. Ты помладше. Я много раз предлагала Владимиру помощь, но он отказывался. Все эти годы сам о тебе заботился.

Показалось, в голосе тете проскользнула досада и... злость. Ух ты, интересная реакция. Сделав себе очередную отметку, я нахмурилась. *Простолюдины, не открывшиеся* – слышу не в первый раз. Это кто вообще такие?

Понимая, что этим интересоваться пока не к месту, спросила, как можно невиннее:

– А отец? Чем он занимался?

Замявшись, тетя, казалось, подбирала слова. Неожиданно вместо нее ответил Савелий Андреевич:

– Мой младший брат, Яра, с юного возраста изготавливал артефакты. У него, определенно, имелся талант. Однако его артефакты особым спросом никогда не пользовались. Впрочем, и сам Владимир не мог гордиться ни известностью, ни авторитетом у коллег. Но о славе мечтал, – сосредоточившись на управлении автомобилем, мужчина замолчал.

Глядя на пустынные по утреннему времени улицы города, я не нарушала тишины. Дядя старался подавать информацию корректно, но и так понятно – Владимир Игнатьев, как профессионал, не был востребован.

За окном машины мелькали дома, деревья тянули сочно-зеленые кроны к небу, по тротуарам спешили редкие прохожие. Я рассматривала город – он казался и знакомым, и в то же время неведомым. Странное ощущение.

Внезапно Савелий Андреевич вновь заговорил:

– Общался я с Володей редко. Скажем так, мы имели некоторые разногласия в области науки. Наши родители ушли один за другим: сначала твой дедушка, на следующий день – бабушка. После их смерти встречи с братом прекратились. Это случилось шесть лет назад, – остановившись на светофоре, мужчина обернулся ко мне. Внимательно посмотрев, вновь перевел взгляд в лобовое стекло. – Не скрою, тебя я практически не видел: много работаю. После смерти твоей мамы поддержанием родственных отношений с тобой и Владимиром занималась Тамара. А три месяца назад он посчитал, что встреч с членами *нашей* семьи тебе не нужно. До сегодняшнего дня мы не общались.

– Почему он так решил? – быстро спросила.

– Владимир был сложным человеком, – уклонился от ответа дядя. – Вы жили весьма скромно. Я предлагал помощь – брат не принимал. Подозреваю, из наследства тебе остался лишь ваш полуразрушенный дом, – мужчина глянул на меня в зеркало заднего вида и твердо сказал: – В любом случае не тревожься. Как и мои дети, ты не будешь ни в чем нуждаться.

Хм-м... Получается, братья не питали особой симпатии друг к другу. Возможно, и правда нашла коса на камень из-за науки. Но тетя-то общалась. Из-за чего же так сильно разругались? Явно случилось что-то экстраординарное.

Сделала зарубку на память. Немного помолчав, поинтересовалась:

– Вы сказали «дети». Светлана у вас не одна?

– У нас двое, – подала голос Тамара Валерьевна. – Кроме сестры, у тебя есть брат. Егору пять лет. Хороший мальчуган растет, – с нежностью промолвила женщина.

– Ваши дети, они *не открывшиеся*? – уточнила, постаравшись, чтобы голос прозвучал спокойно.

– Да, Ярослава, – послышался голос дяди. – Мы с Тамарой, как и наши дети, не владеем силой. И твой отец с мамой также ею не владели.

– А я?

Вопрос повис в звенящей от напряжения тишине. Через бесконечно долгое мгновение Савелий Андреевич проговорил:

– Последние лет сто простолюдины крайне редко проявляются. Это родовитые дворяне кичатся силой, а нам она и не нужна. Ее отсутствие вполне заменяют технологии. Наука не стоит на месте. Чтобы погладить рубашку любимому мужчине, девушке не обязательно исполь-

звать бытовую магию. Можно взять утюг, – поймав мой взгляд в зеркале заднего вида, он лукаво подмигнул.

Я дружелюбно улыбнулась в ответ. Меж тем разум холодно зафиксировал, что на мой вопрос Савелий Андреевич так и не ответил.

Свернув с главной дороги в проулок, дядя направил автомобиль к солидному забору из желтого кирпича, огораживающему большой участок. В глубине виднелась крыша двухэтажного дома.

Открыв с брелока ворота, Савелий Андреевич въехал во двор. Автомобиль бесшумно прокатился по выложенной диким камнем дороге к шикарному особняку и остановился на небольшой площадке.

– Вот мы и дома, – сообщил мужчина. – Вы идите. Я догоню, – добавил, обращаясь к Тамаре Валерьевне.

– Пойдем, Яра, – позвала та.

Не дожидаясь повторного приглашения, я выскользнула из салона. Обоняния коснулись ароматы свежескошенной травы и цветов. Наслаждаясь запахами, быстро осмотрелась. Взгляд радовали аккуратно подстриженные газоны с изумрудной травкой, ухоженные деревья и великое множество кустов роз. Желтые, красные, нежно-розовые и даже темно-синие бутоны были тут, похоже, повсюду. Наверное, их любит Тамара Валерьевна.

Большой холл дома встретил прохладой и приятными запахами чистоты. Посмотрев на мягкий диванчик, я пробежалась взглядом по круглому стеклянному столику, напольному горшку с симпатичным деревцем, закрытым дверям. Интересно, что за ними?

Тем временем внимательно наблюдающая за мной тетя слегка нахмурилась.

– Ты приезжала к нам много раз. Никаких воспоминаний? – не спросила, а, скорее, подтвердила свой вывод она. Я покачала головой. – Ничего страшного, – твердо произнесла женщина и сообщила: – На первом этаже у нас кухня-столовая, гостиная, библиотека. Пойдем со мной, – пригласила, направляясь к витой лестнице.

Поднимаясь по натертым до блеска белоснежным ступенькам и скользя ладошкой по безупречно гладким приятного шоколадного цвета перилам, я осматривалась и напряженно размышляла.

Определенно, мои новоявленные родственники в средствах не стеснены. Все вокруг красноречиво свидетельствует о достатке в семье врачей.

Зайдя на второй этаж, тетя продолжила «экскурсию»:

– В левом крыле покои членов семьи, справа – гостевые. Сейчас покажу твою комнату.

Видя, как она повернула налево, я удивленно хмыкнула. Похоже, мне предстоит жить в семейном крыле. А вот это было приятно. Очень.

Широкий коридор заканчивался большим окном. Тамара Валерьевна толкнула одну из дверей, затем, отступив, предложила:

– Проходи, Ярочка, – и пояснила: – Когда ты гостила у нас, то жила в этой комнате. Она всегда была только твоя.

С благодарностью посмотрев на женщину, я переступила порог. Отойдя на несколько шагов от двери, остановилась, окинула внимательным взглядом большую, но поразительно уютную комнату.

Эркерное окно, занавешенное небесно-голубой вуалью, наполняло помещение светом и воздухом. Прямо около входной двери расположилась «рабочая» зона: письменный стол с компьютером, рядом вращающееся кресло, на стене – полочки с книгами, под ними удобный маленький диванчик и изящный столик с ажурной лампой. Ну а левее, очевидно, место для отдыха: застеленная бирюзовым покрывалом двухспальная кровать с множеством разноцветных подушек, прикроватная тумбочка, симпатичный ночничок.

Заприметив на дальней стене две закрытые двери, с грустью хмыкнула. Я даже не представляла, что прячется за этими дверями.

Казалось бы, если комната моя, то должна же хоть что-то узнать. На крайний случай испытать какие-то эмоции. Увы, ровным счетом ничего.

Видимо решив мне помочь, Тамара Валерьевна спокойно пояснила:

– За одной из дверей ванная комната, за второй гардеробная, – а потом внезапно с досадой поджала губы. – Вещей там практически нет. Последнее время ты не хотела, чтобы мы что-то покупали, – она нахмурилась, наверное, вспомнив о причине такого нежелания. – Ну да ладно, пока походишь в домашнем халате. Лежит на полке в ванной. Белье и кое-что из летней одежды я сейчас курьером закажу, – неожиданно заговорщицки улыбнувшись, добавила: – Виртуальный шопинг, конечно, хорошо, но пройтись по магазинам двум красавицам-сестрам гораздо интереснее и полезнее. Намек понятен? – вопросительно изогнула она бровь.

– Более чем, – усмехнулась я. – А как Светлана на это отреагирует?

– Положительно, – уверенно сообщила Тамара Валерьевна. – Иди в душ, потом спускайся в столовую. Будем тебя нормально кормить, – не дожидаясь ответа, тетя вышла из комнаты и плотно притворила за собой дверь.

Проводив ее взглядом, нахмурилась. Игнатьевы явно заботятся и беспокоятся, однако не особо-то и расстраиваются, что я их не помню. Словно родственников это устраивает.

Вполне вероятно, мое физическое здоровье опасений у них не вызывает. Впрочем, чувствовала я себя действительно великолепно. Но неужели два профессиональных врача с такой легкостью позабыли о моем «чудесном исцелении»? Не верю! Они, несомненно, что-то знают. Вопрос – что именно?

Поморщившись, стянула надоевшую шапочку. Засунув ее в левый карман, отправила туда же маску. С наслаждением почесав зудящую на затылке кожу, сняла больничные шлепанцы и направилась напрямик в ванную комнату. Мне необходимо срочно освежиться.

Открыв первую из дверей, огляделась. Добрую половину стены занимало зеркало. Чуть подальше стояла стильная душевая кабина, рядом – огромная белоснежная ванна. На стеллажах аккуратными стопочками лежали полотенца, там же обещанный темно-серый халат, в самом дальнем углу скромно прятался унитаз – короче, ничего сверхъестественного или непонятного.

Задумчиво посмотрев на душевую кабину, решила все же основательно помыться. Довольно быстро разобравшись с хитроумной сантехникой, включила воду нужной температуры и направилась к зеркалу.

Впервые увидев свое отражение, облегченно вздохнула. В глубине души я боялась, что саму себя не узнаю, и придется привыкать. Однако зеркальный двойник не вызвал противоречивых эмоций. Оказывается, собственную внешность я прекрасно помнила. Даже едва заметный шрам на правом предплечье казался родным, хоть и не знаю, где и когда умудрилась его поставить.

Хмыкнув, вновь вернулась к ванне. Та почти наполнилась. Оглядев многочисленные пузырьки, взяла наугад самый большой.

– Пена для ванны с ароматом лаванды, – прочла вслух и довольно хмыкнула. Читать, к счастью, не разучилась.

Щедро плеснув под струю лиловой жидкости, увидела начавшую подниматься плотную пену и почувствовала приятный запах. Похоже, пора раздеваться.

А вот снимать-то особо и нечего. Белья под выданным тетей медицинским халатиком не имелось. Неторопливо расстегнув пуговицы, сняла его, повесила на крючок в стене. Взгляд зацепился за оттопыренный карман, в котором лежал кулон.

Вытащив украшение, задумчиво посмотрела на голубоватый кристалл. Евгений Петрович сказал, что кулон был на мне. А вдруг личная вещь поможет пробудить память?

Торопливо расстегнув замочек, надела цепочку на шею. Теплый камешек уютно улегся в ложбинку меж грудей.

Прислушавшись к себе, с досадой поняла – воспоминаний нет. Словно прежде я его никогда и не носила.

– Жаль, – пробормотала под нос и опустила в ванну.

Понежившись в ароматной пене, без спешки тщательно вымылась. Выбравшись из воды, направилась к полке с лежащим на ней халатом.

Размышляя о всяком-разном, не понимая руки, машинально щелкнула пальцами. В тот же миг тело со всех сторон окутали теплые струи воздуха.

Я застыла. Что происходит?!

Через пару мгновений все закончилось. Ошарашенно хлопая глазами, потрогала прядь волос. Сухая.

Ну дела-а...

Двигаясь словно заторможенная, взяла халат, крепко завязала на талии пояс. Внезапно озарило: раз Игнатьева говорит в этой комнате жила только я, то, вполне вероятно, удастся найти какую-нибудь подсказку о прошлом!

Быстро вернулась в спальню. На глаза попался дисплей монитора. Компьютер – самая нужная вещь, я им точно пользовалась! Должны же в нем быть хоть какие-то фотографии?!

Однако меня постигла неудача. Куча кнопок на системном блоке. Какую нажимать – ни малейшего представления. Безуспешно потыкав, отступилась. Видимо, так мышечная память не работает. Придется с этим подождать.

Нахмурившись, я села на стул и принялась выдвигать ящики стола. Все найденное складывала себе на колени. Удостоверившись, что последний ящик пуст, приподняла полы халата и отнесла добычу на кровать. Уселась в центр, скрестила ноги и принялась методично рассматривать находки.

Всевозможных размеров календари, брелоки, фотографии для письменного стола, конечно, вполне нормальное явление. Однако нешуточно напрягало другое: на всех до единого предмета красовалось изображение одного и того же высокого, стройного азиата.

Это вообще кто?

Хмурясь все сильнее, я разглядывала красивое, аристократичное лицо длинноволосого юноши. Он явно был важен для меня. Однако не то что воспоминаний, ни единой эмоции так и не появилось. Снова.

– Да ладно?! Ничего не меняется? – внезапно выдернул из раздумий девичий голос.

Повернувшись на звук, заметила приближающуюся незнакомую темноволосую девушку.

Короткие шорты не прятали ее длинных стройных ног, а светлая футболка с потешным ежиком облегла грудь и подчеркивала тонкую талию. В лице красавицы угадывались одновременно черты и дяди и тети.

Вероятно, это Светлана.

Меж тем, ничуть не тушуясь под пристальным взглядом, девушка подошла. Сев на кровать, взяла один из календарей, посмотрела на изображение. Демонстративно тяжело вздохнув, небрежно кинула бумажный прямоугольник обратно. Подняла на меня глаза, усмехнулась и с деланным безразличием сообщила:

– Родители уже уехали на работу. Просили за тобой приглядывать. Наказали вытащить из комнаты, накормить завтраком, до их возвращения развлекать. Но, вижу, моя компания тебе не нужна. Ты занята любимым делом: на Дэйчи своего любишься, – добавила язвительно.

Глядя на усмехающуюся девушку, я невозмутимо ответила:

– И тебе доброе утро. Ты Светлана?

Покосившись с подозрением, та кивнула. Я же, видя в глазах сестры недоверие, решила сразу все расставить по местам. Потому твердо сказала:

– Я не помню своего прошлого. Совсем. Очень надеюсь на твою помощь. Это вообще кто? – широким жестом обвела календари и брелоки и вновь взглянула на сестру.

– Ты сейчас серьезно? – еще не веря, поинтересовалась Светлана.

– Абсолютно.

– Хоть какие-то плюсы, – пробормотала девушка. Повысив голос, пояснила: – Твое бесконечное нытье о том, какой Дэйчи прекрасный, я сейчас точно не вынесу. Может, поговорим о чем-нибудь другом? – в ее голосе слышалась неприкрытая надежда.

Я промолчала. Знать-то о таинственном Дэйчи хотелось, но ничего не мешает спросить и после.

– Какой я была? – спросила первое, что пришло в голову.

– Нелюдима серая мышь. К тому же зануда редкостная, – прямо ответила Светлана. – Ты мне категорически не нравилась, мама же усиленно старалась нас подружить.

– Однако, – тихонько засмеялась я. – Вся правда разом.

– Знаешь, родители настоятельно просили тебя не нервировать, создать максимальный комфорт и покой, – не отводя взгляда, проинформировала Светлана. – Но коли ты теперь живешь с нами, то не вижу смысла врать. У нас с тобой были очень натянутые отношения. Так что, если не желаешь нервничать, лучше просто дружелюбно раскланиваться и держаться друг от друга подальше. Подстраиваться под тебя не собираюсь.

– Да, это точно лишнее, – я неодобрительно поморщилась. Затем широко улыбнулась. – Покажешь, где можно поесть?

– А потеря памяти пошла тебе на пользу, – задумчиво пробормотала девушка. – Глядишь, и нормальным человеком станешь, – встав, она лукаво прищурилась. – Пойдем громить кухню?

Тихо рассмеявшись, я слезла с кровати, поправила полы халата. Светлана мне, бесспорно, понравилась. И отчего у нас раньше общение не задавалось?

Подмигнув сестре, первой вышла из комнаты. Удивленно хмыкнув, та пошла следом.

Краснодар. Отделение тайной канцелярии

Привычно благодушно улыбаясь, начальник краснодарского отделения тайной канцелярии бегло изучал рапорты. Внешне дворянин Иван Петрович Трубицын казался простаком: лысоват, полноват, извечная добродушная улыбка. Пятидесятилетний мужчина, скорее, походил на доброго дядюшку, чем на того, кем являлся на самом деле.

Однако его подчиненные отлично знали, насколько внешность Ивана Петровича обманчива. Этот мужчина уже много лет по праву занимал столь важный пост: был умен, хитер, властен и жесток. Его вполне обоснованно боялись, но при этом и уважали.

Взяв очередной документ, Иван Петрович внезапно перестал улыбаться. Сурово нахмурившись, он внимательнее вчитался в сухой текст рапорта. Сотрудники наружки лаконично информировали о пожаре в доме артефактора Владимира Игнатьева, его гибели и госпитализации восемнадцатилетней Ярославы Игнатьевой.

Нервно побарабанив пальцами по блестящей столешнице, Трубицын задумался.

Владимир Андреевич Игнатьев давным-давно находился под присмотром тайной канцелярии. В то, что неудачник-артефактор сумеет-таки создать свой уникальный артефакт, особо не верили, но все же краем глаза присматривали. А вот несколько лет назад за Игнатьевым стали наблюдать гораздо внимательнее: его разработками крайне заинтересовались японцы.

«Айко постаралась? Это вряд ли. Влиятельной японской дворянке нет пользы от гибели артефактора. Столько денег спустила на его эксперименты. Может, все же случайность?» – мужчина тяжело вздохнул. Хотелось бы в это верить. Однако многолетний опыт упрямо нашептывал – что-то тут не то.

Вибрация лежащего на столе *специального* мобильного привлекла внимание. Иван Петрович активировал дополнительный артефакт от прослушки и только после этого принял вызов. Звонил не кто иной как сам глава тайной канцелярии Российской империи.

– Доброе утро, – без подобострастия поздоровался Трубицын с непосредственным начальником. А по мере того как невидимый собеседник говорил, все сильнее и сильнее хмурился. – Буду держать под личным контролем, – твердо пообещал. – И вам всего доброго, – добавил без тени улыбки на лице.

Положив аппарат на стол, Иван Петрович с силой потер пальцами лоб. Информация поступила из ряда вон выходящая. Не зря интуиция нашептывала, что с пожаром дело нечисто. Этой же ночью смежники зафиксировали в доме артефактора выброс *чужеродной* силы.

И теперь, не вдаваясь в подробности, начальство приказало не спускать глаз с юной Ярославы Игнатьевой.

«Что же там случилось-то? Час от часу не легче. И ведь не скажут до последнего!» – начальник тайной канцелярии неодобрительно поморщился.

Глава 3

– Серафима сегодня задерживается. Это помощница по хозяйству, – зайдя в кухню, деловито проинформировала Светлана. – Завтрак готовила мама. Но я ее здоровую еду терпеть не могу, – девушка приоткрыла крышку на кастрюле, стоящей на кухонной плите, скривилась и предложила: – Овсянку будешь? Предупреждаю: она полезная, но несъедобная.

Подойдя к сестре, заглянула в кастрюлю. Сероватая масса не вызывала аппетита.

– Пожалуй, воздержусь, – покачала головой.

– Оу, в кое-то веки отказалась! – многозначительно протянула девушка. Вернув крышку на место, усмехнулась. – Раньше всегда соглашалась. Ела и нахваливала.

– Вкусы меняются, – я пожалала плечами и с интересом смотрела на двустворчатый холодильник.

Проследив мой взгляд, Светлана распахнула дверцу холодильного шкафа. С глубокомысленным видом изучив его содержимое, сообщила:

– Могу предложить йогурт, сыр, фрукты.

– А нет чего-нибудь мясного? Есть очень хочется, – я тяжело вздохнула, услышав урчание в животе.

– Хм, – заправив привычным жестом локон за ухо, девушка помолчала. Затем, глянув на меня, произнесла: – Садись. Раз такое дело, буду основательно кормить.

Я послушно уселась за большой стол, внимательно наблюдая за сноровистыми движениями Светы. Очевидно, на кухне она прекрасно ориентируется и умеет справляться без чужой помощи. Вот вроде бы дочь весьма обеспеченных родителей, но поди ж ты – простой работы не чурается. Девушка нравилась мне все больше.

Вскороги передо мной стояла тарелка с разогретым мясным рагу.

– Как вкусно пахнет. Спасибо, – не стесняясь, я с удовольствием принялась за еду.

Отправляя в рот очередной кусочек, неожиданно вспомнила о том, что у меня еще есть брат. Может, он спит? Вряд ли пятилетний мальчик где-то спозаранку бродит. Не мешало бы познакомиться.

– Егор уже завтракал? – уточнила у Светланы.

– Он на море с няней. Скоро вернется, – пояснила сестра.

– А вы почему не поехали? – поинтересовалась дружелюбно.

– Родители работают, а я там была сотню раз. Всегда одно и то же. Смысла жариться на пляже не вижу, – усмехнулась девушка.

– Ну так-то да. Просто валяться на песке скучно, – согласно кивнув, я вновь сосредоточилась на еде.

Светлана сделала вид, что пьет апельсиновый сок и увлечена телефоном. Но то и дело она внимательно поглядывала на меня. Конечно, я замечала ее интерес. Однако предпочитала молча есть восхитительно приготовленное мясо. А поговорить мы еще успеем.

– Вот это, я понимаю, аппетит, – Светлана задумчиво оглядела мою опустевшую тарелку.

А я, сыто улыбнувшись, добродушно спросила:

– Раньше такого не замечала?

– Ты утверждала, что не любишь мясо. Я вообще не видела, чтобы ты его ела, – глядя на меня, Света, казалось, о чем-то напряженно размышляла. Посидев так несколько секунд, предложила: – Пойдем в сад?

Кивнув, я встала и пошла за сестрой. Мы покинули дом через черный вход и направились к прячущейся среди фруктовых деревьев резной беседке. Зайдя внутрь уютной беседки, сестра уселась за деревянный стол. Взяла яблоко из плетеной корзинки, с хрустом откусила.

Поправив полы халата, я устроилась рядом. Вытянула из горки яблок краснобокую грушу, однако есть не стала. Зажав ее меж ладоней, устремила задумчивый взгляд на чудесный сад.

Где-то в ветвях чирикали птицы, солнце ласково пригревало, но в душе не было ни толики радости. Мысли о позабытой жизни, о том, кто я такая не давали покоя. Супруги Игнатьевы, да даже Светлана меня узнавали, но в душе не стихали сомнения.

– Родители убьют, но, думаю, молчать неправильно, – внезапно заявила Света. Повернув к ней голову, я посмотрела вопросительно. – Мама с папой категорически запретили рассказывать тебе о прошлом, но я-то все прекрасно помню. И вижу, насколько сильно ты изменилась.

– В чем именно? – спросила быстро.

– Взгляд, поведение, манера речи, вкусовые предпочтения, – уверенно перечислила сестра. – Прежде ты бесила одним своим видом, а сейчас вызываешь положительные эмоции. Даже симпатию, – она удивленно хмыкнула. – Если это результат опытов, то, может, оно и к лучшему? – закусив нижнюю губу, девушка отвела глаза.

– Опытов? – подавшись вперед, я напряженно всмотрелась в лицо сестры. – Ты сказала «опытов»?!

Нервно барабанила по столешнице пальцами, Светлана молчала. Затем, видимо, приняв решение, кивнула и начала говорить:

– Моя мама всегда жутко над тобой тряслась. Ярочка то, Ярочка это, у Ярочки нет мамы, о ней надо заботиться, нашу тихую Ярочку надо развлекать, – Света поморщилась. – Три месяца назад мама привезла тебя к нам. Я уже упоминала, отношения у нас с тобой были натянутыми, – она глянула исподлобья. – Не помню, что я такого сверхъестественного сказала, но ты впервые за все годы вспыхнула. Покраснела как рак, начала орать о том, что я ничтожество по сравнению с тобой. Отец, дескать, *изменяет тебя*, и уже скоро опыты закончатся. А потом тебя станут почитать и уважать не абы кто, а целый императорский род Японии. И любимый Дэйчи будет рядом, – шумно выдохнув, девушка вонзила зубы в яблоко и принялась сердито жевать.

Пораженная новостью, я сидела, не в силах вымолвить ни слова. С силой потеряв ладонью лоб, глухо спросила:

– А что конкретно он со мной делал?

– Ты не уточнила, – отозвалась Света. – Но явно же что-то сделал, если ты стала такой... Другой, в общем.

– А твои родители когда узнали об этих опытах? – я замерла в ожидании ответа.

– В тот день и узнали. Мама рассказала папе, – призналась сестра и пояснила: – Она услышала твои вопли и прибежала, – отогнав надоедливую осу, девушка со злостью глянула на изгрызенное яблоко, затем небрежно бросила его на стол. Скрестив руки на груди, сердито продолжила: – Ты нам обеим заявила, что больше через порог нашего дома не переступишь. Тебя прямо трясло от ненависти ко мне. Мама пыталась уговорить остаться у нас насовсем, ты же ни в какую. Твердила, что твой отец – гений, и он все делает только тебе во благо. Мама вызвала папу с работы, они отвезли тебя к вам домой, – замолчав, Светлана, нахмурилась. – Похоже, мои родители тогда сильно поругались с твоим отцом. Ну а после я долго слушала лекцию о недопустимости моего поведения. Досталось мне знатно.

– Ничего не помню, – пробормотала с досадой. Затем открыто посмотрела на сестру и спокойно произнесла: – Сожалею. Однако страдать по поводу этого конфликта и посыпать голову пеплом не собираюсь.

– Вот я и говорю – изменилась. Такая ты мне по душе, – с усмешкой кивнула Света. – Как дальше будем жить, сестра? – уточнила, подперев кулаком подбородок.

– Надеюсь, дружно, – ответила твердо, не отводя взгляда. – Расскажи о себе, – попросила и тепло улыбнулась. Однако на душе было паршиво.

В голове не укладывалось то, что я могла добровольно стать подопытным кроликом. Впрочем, буду смотреть правде в глаза. Рассказ Светы вполне объяснял откуда у меня такие... странности. Но все же интуиция упрямо шепчет, что все не так, как кажется.

Меж тем сестра потянулась за новым яблоком.

– Да нечего особо рассказывать, – промолвила она задумчиво. – Учусь в универе на дизайнера одежды, хорошо рисую, увлекаюсь фотографией, танцую. Обожаю парaplаны и мотоциклы, – неожиданно засмеялась и лукаво прищурилась. – Музыка люблю. Признаю, твой ненаглядный Дэйчи безумно талантлив. Голос в семь октав, виртуозное владение множеством вокальных техник, просто запредельный контроль дорогого стоят. Он, безусловно, трудяга, и выше всяких похвал, – тряхнув густыми волосами, она приняла строгий вид. – Но сумасшедшей влюбленности в мировую знаменитость не одобряю и не понимаю!

Мысленно застонав, я сокрушенно покачала головой. Вот оно что! Похоже, я была фанаткой неизвестного Дэйчи, к тому же безнадежно влюбленной в него.

Спустя долгое молчание спросила хмуро:

– Этот Дэйчи поет?

– Ага, – Светлана покатала по столешнице нетронутое яблоко. – Наследный принц Японии, гордость страны и очень популярный в мире. Его называют золотым мостом, соединяющим культуры разных народов, – она посмотрела на меня внимательно.

– М-да, – протянула я задумчиво. – Удивила так удивила. Честное слово, к принцу-певцу Дэйчи страсти сейчас не испытываю. Даже больше! Я его вообще не помню, – покачала головой, развела руками.

– Яр, – сестра подседа поближе, – я, правда, хочу, чтобы между нами установились мир и нормальное общение. И я не высокомерная и не заносчивая, как ты говорила, – помолчав, продолжила: – У тебя же друзей совсем нет, еще и отец непонятно что с тобой делал. Может, поэтому ты была такой нелюдистой да по Дэйчи с ума сходила? С парнями-то в реальности практически не общалась, – девушка сочувственно улыбнулась.

Поправив разъехавшийся на груди халат, я поинтересовалась:

– А сколько мне полных лет и чем занималась?

– Через месяц восемнадцать. Учишься в выпускном классе, – Света неожиданно округлила глаза. – Но раз ты ничего не помнишь, то как на занятия в школу пойдешь?! Начало учебы уже совсем скоро! Каникулы-то заканчиваются!

– Еще одна проблема, – я задумчиво нахмурилась. – У тебя книг со школы не осталось? Вдруг что вспомню?

– Моих нет, зато твоих – полно. Мама тебе к началу учебного года купила. В библиотеке лежат.

– Идем смотреть!

По пути обратно к дому я неожиданно заметила странность: в глубине сада посреди аккуратно стриженной травки четким пятном выделялась черная земля.

Сбавив шаг, внимательно оглядела обнаженный участок. Что-то здесь не так.

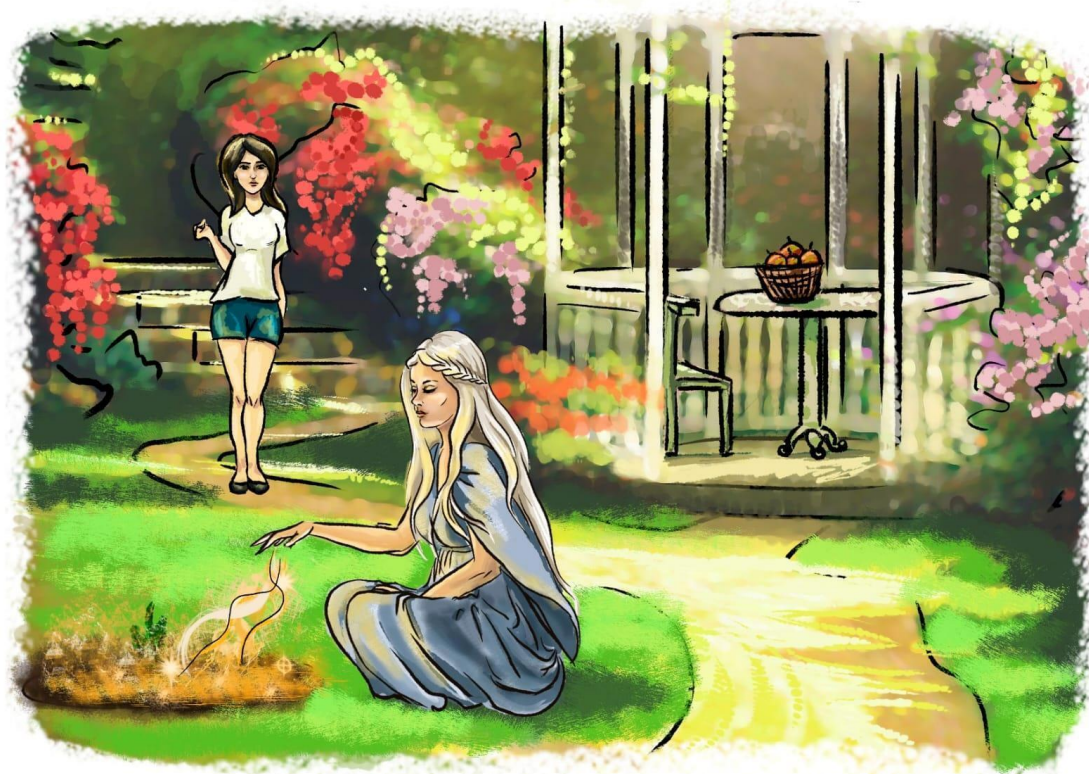
– Который год отец пытается дуб вырастить, – заметив мой интерес, пояснила Света. – Даже дорогущий артефакт для роста деревьев купил и закопал рядом с очередным суперэлитным желудем. А толку все равно нет.

– Подожди, – попросила я и, движимая необъяснимым желанием, сошла с дорожки.

Прошла по газону, остановившись у рыхлой кромки, присела. Не задумываясь, вытянула руку, раскрыла ладонь над землей. С пальцев сорвались едва заметные глазу золотистые искорки и вошли в почву. Через миг лишенный травы участок уже мерцал и переливался золотистым светом.

Это эфир – пришло откуда-то понимание.

Не убирая ладони, я сложила пальцы, оставив вытянутыми и крепко прижатыми друг к другу указательный с безымянным. В то же мгновение от них отделилась тонкая ярко-желтая нить. Не отрываясь от моей кожи, она дугой устремилась к центру светящегося участка.

Вскоре из золотистой поверхности вынырнул зеленый росток. С каждым ударом моего сердца он становился все выше и выше. Убрала ладонь, прервала поток эфира и посмотрела на творение своих рук.

Я сидела на корточках у корней гигантского дуба.

– Ух ты! – раздался восхищенный голос Светы.

– Ага, – пробормотала, не отводя взгляда от массивного ствола.

– Даже не слышала о том, что подобное осуществимо, – сестра встала со мной рядом. – Ты давно так умеешь?

– Самой хотелось бы знать. Как и то, на что еще способна, – я усмехнулась. Затем тяжело вздохнула. – Дерево выращено. Пойдем смотреть учебники?

– Знаешь, у родителей ведь отличная библиотека, там куча раритетных книг. Я в них пороюсь, пока ты помотришь учебники. Если ничего не обнаружу, поищем в сети. Об открывшихся, однозначно, есть информация. Может, все нормально, и ты так умеешь делать не из-за опытов? Ну, просто более одаренная. Не волнуйся, разберемся, – подбадривающе улыбнувшись, Светлана энергично направилась в сторону дома.

Промолчав, я направилась за ней следом.

Не задерживаясь в холле, мы прошли напрямик в библиотеку. Стоило войти в темное помещение без окон, на стенах тотчас вспыхнули лампы. Плотнo закрыв за нами дверь, юная хозяйка дома пригласила:

– Располагайся, – а сама направилась к стоящему в дальнем углу шкафу. – Сейчас принесу учебники.

Я скользнула взглядом по толстым корешкам. Книги находились здесь повсюду: на открытых многочисленных стеллажах, в стеклянных шкафах. Обнаружив уголок для чтения,

состоящий из двух больших кресел и стола, подошла и села в ближайшее. Вскороности вернулась Светлана. Примостив на низкий столик внушительную стопку книг, с сомнением на меня взглянула.

– Как читать помню, – усмехнулась я.

– Тогда дерзай, – не стала скрывать облегчения девушка. – Я пошла изучать справочники, – развернувшись, она вновь куда-то удалилась.

Взяв верхнюю книгу, я открыла твердую обложку. Физика. Глаза забегали по строчкам и схемам. Шурша страницами, я очень быстро читала. Не знаю, насколько хорошо владела этим предметом раньше, но сейчас прекрасно все понимала. Информация четко откладывалась в памяти.

Дойдя до середины учебника, осознала, что проблем с физикой не предвидится. Взяла следующий – химию. Вновь замелькали страницы. Теперь я изучила книгу от корки до корки. И тот же вывод: предмет понимаю, знания намертво отложились в голове. Казалось, разбуди ночью – без проблем решу самую зубодробительную задачу из учебника.

Это явно ненормально! Неужели и правда мои открывающиеся способности результат опытов... отца? Верить в это по-прежнему не хотелось.

Отложив книгу, откинулась на спинку кресла. Поставив правый локоть на подлокотник, несколько раз нервно щелкнула пальцами. И замерла, боясь дышать и шевелиться.

Над моей ладонью висел ярко-алый огонек. Переливаясь и пульсируя, язычок пламени едва-едва касался большого пальца.

– Слов нет, одни эмоции, – внезапно раздался тихий голос Светы.

Медленно выдохнув, я с облегчением заметила, что пламя погасло. Быстро перевела взор на сестру.

Зажав под мышкой толстенный фолиант, та некоторое время стояла недвижимо. Затем, приблизившись, села в соседнее кресло, положила книгу на столик рядом с учебниками.

– Яр, даже без справочников понятно – это аномально. Способностей управления огнем у *открывшихся* женщин простолюдинок не бывает.

– Хочешь сказать, я – результат безумных экспериментов? – скрипнула зубами.

– Ну почему же безумных. Вон, деревья красивые выращиваешь, в холодные зимы не замерзнешь, – попыталась пошутить и хоть как-то успокоить Света. Наткнувшись на мой суровый взгляд, с досадой махнула рукой и призналась: – Ладно, согласна. Опыты над живым человеком, более того, собственной дочерью, нечто запредельное. Но ты не переживай. Умеешь и умеешь. Главное же не это, а какая ты сама.

Я опустила голову, напряженно размышляя. Затем посмотрела на встревоженную и обеспокоенную, но точно не испуганную сестру.

– А я ведь могу оказаться чудовищем. Ты меня совсем не боишься? – спросила, чувствуя, как в душе разрастается стужа. Тем не менее взора не отвела.

– Ты заканчивай глупости говорить! – нахмурилась девушка. Встав, быстро пересела на подлокотник моего кресла, взяла мою руку, твердо сказала: – Я за последние три месяца многое передумала. Не скажу, что прямо сильно винила себя или воспылала к тебе неземной любовью. Ты была откровенно неинтересным собеседником, даже больше – своим отношением к жизни и разговорами ужасно раздражала. Вполне вероятно, я часто была с тобой излишне резка, – она на миг примолкла, а после с неподкупной искренностью добавила: – Когда родители сегодня рассказали о том, что произошло, честно признаюсь – хотела установить меж нами четкую дистанцию. Ты сама по себе – я сама по себе. Но, понаблюдав, поняла, такая ты мне нравишься. Все ясно?

– Спасибо, – я проглотила внезапно вставший в горле ком, настороженно спросила: – Твоим родителям сообщим?

Помолчав, Света кивнула, а после усмехнулась.

– Частично, – видя недоумение на моем лице, невинно похлопала ресницами. – Скажу им, что рассказала о нашем тогдашнем конфликте. По головке, конечно, не поглядят, но наказывать не станут, – пояснила и принялась рассуждать вслух: – Дуб не спрятать, поэтому скажем. А вот об огне – и что там еще вылезет? – ты же пока не планируешь говорить?

– Нет, – покачала головой, удивляясь прозорливости девушки.

– Кстати, что с учебой? – та посмотрела строго. – Помощь нужна?

– Пока тебя не было, я изучила физику и химию.

– Отлично, – привычно заправила локон за ухо Светлана. – Видишь, везде есть свои плюсы, – она широко улыбнулась, а после подмигнула.

Улыбаясь в ответ, я отчетливо понимала – теперь у меня есть друг. Я не одна.

Глава 4

– Спрашивай что хочешь, – благодушно предложила Света. Вольготно расположившись на моей кровати, она небрежно крутила в руках календарь с изображением Дэйчи. Я же, подперев кулачком щеку, сидела полубоком за рабочим столом.

В голове моментально замелькали сотни вопросов. Да вот только какой важнее, решить не получалось.

– Да не майся ты так! – сестра озорно подмигнула. Сев на покрывале, скрестила ноги. – Сейчас проведу короткий курс для «забывашки». Ну а потом по ходу разберемся, – и, изобразив на лице важность, начала рассказывать: – Мы живем в княжестве Южном. Правит у нас князь Михаил Игоревич Разумовский. Хоть высокородный, но справедливый, простолюдинов не зажимает. Высшая власть в государстве – император Игорь. Кстати, наш князь – его признанный бастард, – я удивленно хмыкнула, а Света подтверждающе кивнула. – Народ императора любит, уважает, почитает. Тот хоть и строг, но человечен. Говорят, души не чаёт в супруге, государыне Софье. У императорской четы есть сын-наследник и две дочери. Пока понятно? – сестра посмотрела вопросительно.

– Да. Продолжай.

– Хорошо, – она задумчиво глянула в потолок. – Сам император практически не занимается внутренней политикой, специализируется на международной. Внутренние проблемы страны в компетенции Большого совета. В него входят как мужчины, так и женщины, но исключительно из древних высокородных. Вся империя поделена на княжества. Думаю, ты уже поняла, что ими управляют высокородные князья. Они – главы древних родов, – пояснила Света, глубокомысленно пошевелив бровями. – Ниже князей по рангу бояре, потом идут дворяне. У князей и бояр есть вассалы и слуги, у дворян только слуги. Вассалы – те же дворяне, присягнувшие на верность господину. Слуги – привилегированные простолюдины, их набирают исключительно из открывшихся, хоть малый дар, но быть обязан, – дают магическую клятву верности. Слуга князя или боярина за супер-пупер заслуги перед господином может получить дворянство. Сама понимаешь, происходит подобное крайне редко, – переведя дух, девушка пояснила: – Простолюдины могут сделать отличную карьеру, иметь хороший достаток, но в высшую власть ни в коем случае не попадут. Хоть и говорят в последнее время, что мы ничем не хуже дворянства, это не так. Обычные люди высокородным не ровня и никогда не будут.

Я кивнула. Света права: социальное разделение не отменить.

– Есть еще множество всяких нюансов с властью, но это не особо интересно, – она смешно сморщила носик, но затем стала серьезней. – Основной совет – постарайся не конфликтовать с дворянами. Особенно с высокородными. Мы для этих заносчивых снобов пустое место, – Света скривилась, как от лимона. – Начнут в школе доставать, лучше просто уходи. Нервы целее останутся, – покосившись на календарь, девушка усмехнулась. Затем неожиданно призналась: – Еще ведь и поэтому бесила твоя ненормальная одержимость японским принцем. Придумала же себе сказочку: представитель императорского рода другой страны влюбился в фанатку-простолюдинку с первого взгляда, а после они жили долго и счастливо! Тысячу раз от тебя это слышала. Ну бред же полнейший! – глянула на меня и насупилась. – Ты обиделась?

– Нисколько, – пробормотала я задумчиво и несколько нервно поскребла ногтями шею.

– Ты из-за школы, что ли дергаешься? – не скрывая удивления, предположила сестра. Увидев мой кивок, фыркнула, а после бодро заявила: – Подумаешь, никого не узнаешь! Велика беда! Заново познакомишься. Делов-то! – Я хмыкнула, а жизнерадостная девушка, немного помолчав, задумчиво сообщила: – Тебе на занятия уже послезавтра. Давай маму попросим,

легко переведет в другую школу. Все начнешь по-новой и без каких-то прошлых проблем. Что думаешь?

– Я хочу все вспомнить, – ответила ей твердо. – Прошлое – это опыт, влияет и на настоящее, и на будущее. Зная его, можно избежать предыдущих ошибок. К чему наступать на одни и те же грабли?

– Так-то да, – неохотно согласилась Светлана. – Но есть вещи, о которых лучше не вспоминать. Папа как-то рассказывал, что провалы в памяти после стрессов – защита психики. Чтобы человек с ума не сошел, – она настороженно взглянула на меня. – Кто знает, что отец с тобой делал?

– Вот именно – неизвестно, – я нахмурилась и скрипнула зубами. – Честно скажу, я не знаю, как сейчас относиться к... отцу. Даже называть его так не могу, – добавила тихо.

Внезапно поняла, что ладонь крепко сжимает кулон, спрятанный под халатом. С чего вдруг рука потянулась? А что, если носила украшение не просто так, а как память? Не об отце ли? Вновь скрипнула зубами. Добрых чувств к этому мужчине однозначно не испытывала.

Меж тем встав с кровати, Света подошла, прикоснулась к плечу и явно хотела что-то сказать. В этот момент из кармашка ее шортиков послышалась задорная мелодия. Быстро достав мобильный, девушка глянула на дисплей и приняла вызов.

– Привет, привет! – произнесла с искренней радостью. Выслушав собеседника, ответила: – Сейчас выйду! – нажав на отбой, дотронулась до моего плеча и тихонько попросила: – Яр, ты не кисни. Все будет нормально, – она улыбнулась. – Мне надо отойти: друзья приехали. Скоро вернусь.

Сестра быстро покинула комнату, но я совершенно не испытывала обиду. По правде говоря, очень сильно не хотелось, чтобы меня опекали или жалели. Но Светлана ни того ни другого и не делала. Это подкупало.

Взгляд скользнул по лежащим на кровати брелокам и фотографиям Дэйчи. Вот вроде бы и не нужны, но и выкидывать отчего-то жаль. Пусть лежат. Есть не просят.

Сложив их обратно в ящики, услышала короткий стук в дверь. Повернувшись, с удивлением проследила за тем, как в комнату входит пожилая полная женщина. Держа в обеих руках разнокалиберные пакеты, она деловито прикрыла локтем дверь и подошла ближе.

– Здравствуй, Ярослава. Курьер для тебя вещи привез, – сообщила незнакомка. А потом настойчиво спросила: – Ты меня совсем не узнаешь?

– Увы, – я пожала плечами.

– Совсем-совсем не помнишь? – продолжила допрос женщина, подходя на несколько маленьких шажков ближе.

Начиная раздражаться, я тем не менее вежливо ответила:

– Совсем. Вы, наверное, Серафима?

Энергично закивав, она подошла к кровати. Поставила пакеты на пол рядом и чинно сложила руки на внушительном животе. Я в ожидании посмотрела на помощницу по хозяйству.

А та внезапно по-бабьи тоненько запричитала:

– Ох, беда-а! Сиротинушкой осталась! Без матери жила, теперича и отца нетути! Горет-то какое! Еще и память отшибло! Это ж как ты теперь-то, горемычная?!

Ошарашенная ее напором, я вначале застыла, а после довольно холодно произнесла:

– Благодарю вас за участие, – выдержав паузу, не меняя тона, добавила: – С вещами разберусь сама. Больше вас не задерживаю.

В комнате повисла тишина. Спустя пару долгих мгновений женщина неодобрительно покачала головой и сердито поджала губы.

– Я-то думала, начнем общаться с тобой по-людски. А ты, хоть память и потеряла, а как прежде нос воротишь. Ведешь себя, словно высокородная, – Серафима оскорбленно фыркнула.

М-да. Очередная новость. Получается, у меня были плохие отношения не только со Светланой, но и с помощницей по хозяйству. И непонятно, на что сейчас она так обиделась. Вроде ничего плохого ей не сказала. Надо искать золотую середину и справлять ситуацию.

– Не хотела вас оскорбить, – постаралась успокоить разобиженную женщину. Жалостливые причитания слушать не хотелось, но и «воротить нос» я не собиралась, впрочем, заводить тесную дружбу тоже. – Я действительно вас не помню. Как и наши прежние взаимоотношения, – затем, не отводя глаз от настороженной Серафимы, смягчила тон: – Надеюсь, вы понимаете, что мне сейчас очень непросто? И я прошу вас проявить мудрость взрослого человека.

– Ишь как! – удивленно покачала головой прислуга. – Ошиблась я. Все же ты изменилась. Прежде никогда уважительно со мной не говорила, – она прищурилась, похоже, ожидая моей реакции.

– Людям свойственно меняться, – встав со стула, я дружелюбно улыбнулась. – Уверена, у вас хлопот по хозяйству невпроворот. Не тревожьтесь, с вещами я действительно в состоянии справиться.

Помолчав, Серафима неожиданно заулыбалась.

– Ну, коли так, пойду. Обед на плите, – и, в который раз удивленно качнув головой, женщина вышла из комнаты и плотно прикрыла за собой дверь.

Проводив ее взглядом, удивленно качнула головой. Час от часу не легче. Каждый с кем общаюсь говорит, что очень сильно изменилась. Ну и как тут верить, что я это я?

Откинув прочь закопошившиеся тревожные мысли, подошла к кровати. Глядя на вместительные пакеты, порадовалась: больше нет нужды ходить в халате, надетом на голое тело. Да и без нижнего белья чувствовала себя крайне неудобно.

Интересно, что там? Вне сомнений, это Тамара Валерьевна позаботилась обо мне.

Схватив в охапку приятную ношу, быстро прошла в гардеробную. В большой комнате с множеством вешалок, стеллажей, ящиков и полок моих вещей действительно практически не было. У зеркала лежала расческа, рядом пара резинок, зажим для волос, в самом дальнем углу сиротливо болталась на вешалке темно-зеленая осенняя куртка. Все. М-да, негусто.

Испытывая искреннюю благодарность к тете, принялась вытаскивать и разбирать подаренную одежду. Вскорости с удовлетворением осматривала свое богатство: на плечиках теперь висело несколько платьев, сарафанов, пара шорт, джинсы, имелась даже пижама, на полке лежало нижнее белье, а внизу, на специальной стойке, стояли две пары обуви – босоножки и легкие полуспортивные туфли.

Красота! Надо бы переодеться.

Выбрала, что надеть, и задумалась. Вещи новые, но несколько помятые. Идти за помощью к чересчур сердобольной Серафиме желания не возникало.

Неожиданно в памяти всплыла фраза, оброненная дядей в машине: «Чтобы погладить рубашку любимому мужчине, девушке необязательно использовать бытовую магию. Можно взять утюг».

А, собственно, зачем мне утюг? Ведь волосы-то я после ванны высушила. Почему бы и не попробовать?

Сняв с вешалки серую футболку, повесила ее на отдельную стойку. Итак, раз не помню, что и как делать, понадеюсь на мышечную память. Вдруг и сейчас сработает?

Глубоко вздохнув, поднесла раскрытую ладонь к ткани. Медленно-медленно проведя рукой сверху вниз, почувствовала идущий от ладони плотный воздушный поток. Как только он достигал материала, все складочки и заломы расправлялись. Через несколько минут у меня имелась идеально отглаженная вещь.

Похоже магия – это словно езда на велосипеде. Однажды научишься, а после крутишь педали даже не задумываясь.

Довольная собой, сняла поднадоевший за день халат и надела белье. Затем взяла джинсы, а после – свежесглаженную футболку. Быстренько одевшись, сунула ноги в полуспортивные туфли.

Оглядела себя в ростовом зеркале. Штаны, идеально очерчивая длинные стройные ноги, отлично сидели на бедрах, нигде не жало и не сползало – вот это глазомер у тети!

Слегка раздраженно откинув с лица длинный локон, решила и на голове навести порядок. Энергично расчесавшись, ловко сделала высокий хвост.

Взгляд вновь зацепился за новую одежду. Вообще-то, ее всю не мешало бы погладить. Однако, поступая как прежде, я провожусь очень долго. А почему бы не «отутюжить» все разом?

Даже не задумываясь о предстоящих действиях, стремительно направилась к стойке с вещами. Не доходя несколько шагов, остановилась и резко выкинула руки вперед. Вокруг ладоней тотчас появилось голубоватое свечение. Плавно развела кисти в стороны, как если бы открывала задернутые шторы.

От мощного потока воздуха, идущего плотными струями от моих рук, ткань зашевелилась, замерцала голубыми искрами. Быстро крутанув кистями, я сжала кулачки. Свечение моментально погасло.

Неужели получилось?! Ух ты! А тело-то помнит!

Торопливо подойдя, сняла первое попавшееся платьице. Ни единой лишней складочки. Мысленно похвалив себя, широко улыбнулась. Внезапно в голове всплыли чьи-то слова:

«Из атомов состоит все: и ты сама, и мир вокруг. Но и они несовершенны. Стремясь к гармонии, находятся в поисках того, с чем могут соединиться. Струящийся по каналам в твоем теле эфир не что иное как крохотные атомы. Но эфир более других тяготеет к совершенству, оттого и наделяет тебя силой. Ты обязана научиться ей управлять. Это долго и непросто. Но только так не причинишь вреда и сможешь использовать силу по своему желанию».

Откуда я *это* знаю? Кто учил?

Вернув платье на место, отошла к зеркалу. Села на мягкий пуф и судорожно закопалась в память, но... Ни-че-го. Абсолютно. Черная дыра никуда не делась.

– Уже управились? – послышался голос Светланы. Потерев ладошкой лоб, я проследила за тем, как она деловито подошла к вешалкам и начала рассматривать одежду. – Я видела курьера, – пояснила девушка. – Хм, весьма и весьма недурно, – сестра осмотрела швы, пощупала ткань. – А размер?

– Нормально, – встав, продемонстрировала джинсы. – Тамара Валерьевна угадала.

Размышления, откуда у меня такие навыки, не отпускали. Получается, я много и упорно училась. Новая информация абсолютно не желала стыковаться с тем, что мне говорят.

– Что-то случилось, – не отводя напряженного взгляда, уверенно заявила девушка. – С Серафимой опять не поладили?

– Был у нас легкий конфликт, – не стала я отнекиваться. – Даже не поняла из-за чего. Но разногласия, надеюсь, уже разрешены.

– Серафима тетка неплохая, но уж больно ее много, – оставив в покое сарафан, сестра подошла ко мне. – Начнет жизни учить – не остановишь. У нас с ней тоже иногда бывают, – она замялась, – разногласия. Однако, мама ее ценит. Учти на будущее.

– Хорошо, – я кивнула и примолкла, подбирая слова, как лучше сказать о том, что произошло. В итоге, решив не искать красивых фраз, без обиняков призналась: – Свет, я выяснила, что умею гладить без утюга. К тому же меня этому кто-то учил.

Девушка повернулась к развешанной одежде. Кашлянув, спросила:

– Бытовой магией отутюжила?

– Сама не понимаю как. Все на автомате.

– И чего переживаешь? Отлично ведь! – и, покосившись на вещи, пробормотала: – Везет же. Мне бы так уметь.

– Не начинай, а? – в моем голосе отчетливо прозвучал укор.

– Не напрягайся. Это добрая белая зависть, – звонко рассмеялась Светлана. Дотронувшись до моей руки, проникновенно добавила: – Понимаю, ты из-за всего этого, – покрутила ладошкой в воздухе, – нервничаешь. Не знаю, что делала бы на твоём месте. А ты, вон, держишься. Вот и дальше не дрейфь, – она энергично тряхнула копной густых волос. – Вместе легче, чем одной. Прорвемся, сестра!

подавшись вперед, я обняла Свету за плечи. Не знаю, зачем и почему. Мне просто сильно-сильно захотелось так сделать. Та не оттолкнула. Напротив, крепко-крепко прижала к себе.

И громко ойкнула.

Резко отпрянув, я посмотрела вопросительно. Потирая пальцами грудь, Светлана удивленно поинтересовалась:

– Что там у тебя под футболкой такое жесткое?

Лишь на миг задумавшись, вытянула за цепочку кулон и продемонстрировала сестре. Вновь появилось ощущение, что украшение – подарок. От кого? Я не помню! В душе поднялось раздражение.

– Ух ты, какая прелесть! – меж тем заинтересовалась любительница прекрасного, так и сяк вертя кулон. – Никак не пойму, что за камень, но чудо как хорош!

Она с явной неохотой выпустила украшение из пальчиков, а я, лишь миг помедлив, растегнула замочек на цепочке. Надела кулон Светлане на шею и под ее ошарашенным взглядом спокойно сказала:

– Носи на здоровье.

– Спасибо, сестренка, – подняв руку, Света сжала камень в ладошке. – Я тебе тоже что-нибудь подарю.

Я не успела ответить: в кармане сестры нудно запиликал мобильный. Достав его, та прочла сообщение. Затем невесело вздохнула.

– Родители что-то рано сегодня вернулись. Зовут на обед. Пора на мою экзекуцию, – нахмурившись, она направилась прочь из гардеробной.

Быстро пойдя следом, нагнала Свету возле выхода из комнаты.

– Подожди, – придержала девушку за локоть. Брови той удивленно взлетели. – Почему на твою экзекуцию? – поинтересовалась встревоженно.

Усмехнувшись, Светлана взяла меня под руку. Молча подведя к двери, неторопливо ее открыла. Затем, повернув ко мне голову, словно несмышленишу, пояснила:

– Придется же прямо сейчас объясняться, – видя мое непонимание, дурашливо закатила глаза. – Извини, временами забываю, что ты ничего не помнишь. У отца ритуал: как только приезжает домой, идет проверять свой желудь. Ход мыслей понятен?

– Угу.

Я задумчиво смотрела на сестру. Но думала не о выращенном мною дубе и предстоящем простом разговоре, совсем нет.

А ведь Света неосознанно копирует слова и интонацию Тамары Валерьевны. Несомненно, у острой на язычок, своенравной, но отзывчивой девушки мать пользуется авторитетом. Хорошо, когда есть любимая мама!

Неожиданно сердце остро кольнуло. Теперь уже, похоже, пришла моя очередь испытывать к сестре «добрую белую зависть». Отмахнувшись от ненужных дум, произнесла уверенно:

– Справимся.

– Однозначно, – согласилась Светлана. Гордо выпрямилась и, не отпуская моего локтя, бодро зашагала по коридору.

Глава 5

Семейный обед проходил в тишине. Периодически поглядывая на сидящую рядом Свету, я видела, как та с каждой минутой становится смурнее и смурнее.

Я искренне не понимала, почему родственники так упорно молчат. Видимо, и сестру это напрягало.

Лишь в самом начале Тамара Валерьевна поинтересовалась, как я себя чувствую. Получив ответ, что отлично, она улыбнулась, кивнула, на этом все. Савелий Андреевич и вовсе не промолвил ни словечка. Мужчина ел мало и явно о чем-то серьезно думал.

Хмурясь, я ковырялась ложечкой в большом куске нежнейшей шарлотки. Не хочу обидеть хозяев, но это есть уже не смогу. Нет, все приготовлено просто восхитительно. Да вот только имелось громадное «но»: во все блюда, кроме вкусного наваристого куриного супчика, входила вишня. Она была и в соусе к мясу, и в теплом салате из печени, даже шарлотка и та вишневая! И к ней Серафима подала чай из вишневых ягод и листьев.

Теперь знаю четко – эту ягоду я на дух не переношу.

– Спасибо за обед, Серафима, – впервые за последние полчаса прозвучал голос Савелия Андреевича. – Все было очень вкусно. На сегодня вы свободны.

– Хорошо-то как! – не удержав радости, всплеснула руками помощница по хозяйству. – Внучков вечером сын с невесткой привезут, давненько деток не видала, – пояснила, торопливо снимая фартук. – Так я побежала? – вопросительно посмотрела на Тамару Валерьевну.

– Бегите, – доброжелательно ответила та.

Едва Серафима вышла, Савелий Андреевич отодвинул тарелку. Положив перед собой руки, сцепил пальцы в замок и, глядя на нас со Светланой тяжелым взором, поинтересовался:

– Как прошел день, девочки?

– Насыщенно, – отозвалась Света. Промокнув губы полотняной салфеткой, отложила ту в сторонку. – Выяснили, что Ярослава открывшаяся. Это она вырастила твой желудь. И я ей все рассказала, – не отводя глаз от отца, девушка гордо вздернула подбородок. – Мы впервые с Ярой нашли общий язык, поладили. Не хочу и не буду сестре врать, – она непримиримо сдвинула брови.

Многозначительно глянув на супругу, мужчина помолчал, затем неожиданно благодушно произнес:

– Ясно.

Неверяще хлопая пушистыми ресницами, Светлана озадаченно посмотрела на отца. Спустя долгую паузу, с недоумением поинтересовалась:

– И все? Больше ничего не скажешь?

– Ну почему же, – усмехнулся тот. – Мы с мамой вновь убедились – ты всегда поступаешь по-своему.

– Зачем тогда просили? – озадаченно пробормотала девушка.

– Попытка – не пытка, – спокойно ответила Тамара Валерьевна, поднимаясь из-за стола. – Помоги мне с посудой.

Бурча что-то неразборчиво под нос, Светлана встала и принялась собирать тарелки. Я хотела помочь, но Савелий Андреевич остановил:

– Хочу с тобой поговорить, Ярослава. Пойдем со мной.

Ножки отодвигаемого мужчиной стула противно заскрежетали по полу. Моментально насторожившись, я быстро глянула на Светлану. Та подбадривающе улыбнулась.

Коротко кивнула сестре и направилась следом за мужчиной. Поднявшись на второй этаж, Савелий Андреевич прошел прямо, уверенно распахнул одну из двух закрытых дверей и пригласил:

– Проходи.

Неторопливо переступила порог. Сразу же в глаза бросились две картины, висящие рядышком на светло-оливковых обоях: коричневые рамки и красно-коричневые рисунки то ли птиц, то ли кого-то неведомого с крыльями. Немного поразглядывав их, прошла дальше.

В кабинете дяди оказалось довольно уютно.

Справа всю стену занимала темно-коричневая встроенная мебель: под навесными шкафчиками крепился большой стол без ножек, рядом – стул без спинки.

«И как на нем долго сидеть? Спина же устанет. Наверное, дело привычки», – невесомыми бабочками промелькнули мысли.

Мазнув взглядом по расположившимся на столешнице громадному монитору и клавиатуре, посмотрела налево.

Под окном, закрытом неплотно сдвинутыми жалюзи, стояло два кожаных кресла кремового цвета, меж ними – круглый деревянный столик в тон остальной мебели.

Весьма и весьма неплохо. Но зелень не помешала бы.

– Садись где тебе удобнее, – прозвучал спокойный голос дяди.

Не тушуясь, села в ближайшее кресло. Серьезный разговор непременно должен быть, в этом я ничуть не сомневалась. И даже рада, что Савелий Андреевич не стал тянуть с ним.

Не выказывая и тени нервозности, открыто посмотрела на устроившегося в соседнем кресле дядю. Тот, казалось, изучал мое лицо.

– Ты быстро восстановилась, – утвердительно произнес мужчина. Я промолчала, не отводя глаз. – Сегодня за обедом наблюдал за тобой, – сообщил внезапно. – Раз ты уже многое знаешь, надеюсь, и остальное воспримешь адекватно, – он умолк, продолжая меня разглядывать.

– Постараюсь, – ответила максимально спокойно. Копируя собеседника, откинулась на спинку кресла.

– За прошедшие три месяца ты изменилась, Ярослава, – внезапно ставшим бархатистым голосом сообщил Савелий Андреевич. – Тамара говорит, весьма сильно. По ее мнению, не только лицом похорошела, но и рост несколько увеличился, фигура, однозначно, стала спортивнее. В этом я полностью полагаюсь на супругу, – он с силой потер двумя пальцами лоб, – она с тобой общалась часто. В отличие от меня, – хозяин дома сокрушенно вздохнул, а после добавил: – Однако даже я сейчас заметил некоторые перемены. Не во внешности, нет. Во вкусовых предпочтениях.

– Вы про вишню? – спросила и, не сдержавшись, поморщилась.

– Ты ее с детства обожала, – признался дядя. – Ела чашками.

– Разве давние привычки не могут измениться?

– Могут, – легко согласился врач. – Но у всего есть причина. В твоем случае изменений слишком уж много. И произошли они за очень, очень короткий промежуток времени, – он выразительно замолчал.

Нахмурившись, я помолчала. Затем не стала ходить вокруг да около, спросила прямо:

– Почему вы так уверены, что я и есть ваша племянница Ярослава? Вполне может стать, я – это не она, а вы просто заблуждаетесь.

Мужчина нахмурился, а затем, подавшись вперед, проникновенно сказал:

– Соглашусь, весьма логично. Ты не помнишь ни своего имени, ни прошлого, а мы хором обманываемся и твердим, что ты – это ты, – он покачал головой с непритворной печалью. – Боюсь, Ярослава, причина твоих масштабных изменений в ином.

– Думаете, я стала настолько другой из-за опытов вашего брата? – мой голос прозвучал твердо, настойчиво.

Дядя немного помедлил, а после глухо ответил:

– Иного варианта просто нет. Сколько помню Владимира, он хотел сделать артефакт, которому нет аналогов. Мечтал прославиться, – суровая складка пролегла меж кустистых бровей Савелия Андреевича. – Твой отец, Яра, утверждал, что, благодаря его артефакту, человек моментально станет красивым, вечно юным и гениальным. Причем все будет передаваться по наследству.

Я не верила своим ушам. Это же бессмыслица! Теперь понятно, почему братья не ладили. Не знаю откуда, но я четко понимала: создание такого артефакта в принципе нереально. Говоря словами Светы, бред полный.

– Гениальным и вечно юным? – переспросила с недоверием. Дядя кивнул, а я продолжила: – Но ведь мозг каждого человека уникален, как и отпечатки пальцев. Нейронную сеть просто нереально повторить. Гением можно только родиться. Это же давно известный факт. Идея о даровании вечной юности и того хлеще, – неодобрительно покачала головой. – Все физиологические процессы разом одним-единственным артефактом навсегда вспять не повернуть. Несуразица какая-то с этой идеей, – замолчав, внезапно обнаружила, что дядя смотрит с изумлением. – Что-то не так? – поинтересовалась настороженно.

Кашлянув, он на миг прикрыл ладонью лицо. А потом, шумно выдохнув, хриловато произнес:

– Не скрою, ты меня сейчас удивила. С каждой минутой все больше и больше думаю, что безумная идея брата не так уж и безумна.

– Престаньте, – взглянула на мужчину с укором.

Дядя вздохнул и очень мягко сказал:

– Я тебя понимаю. Самому претит мысль, что твои изменения – результат экспериментов. Но, как бы ты ни отрицала очевидное, другого варианта просто не существует, – в его глазах читалось непритворное сожаление.

– Если все так, – сглотнула ком в горле, – тогда не понимаю, почему на это согласилась. Эксперименты над человеком, а особенно такого плана, смертельно опасны. Я же запросто могла стать инвалидом или умереть! Должна быть очень веская причина. Может, чем-то ужасным болела? – поинтересовалась с затаенной надеждой.

– Нет, – дядя покачал головой, – ничего такого. Может, хотела помочь отцу достичь славы? Он ведь тебя любил. По-своему, конечно, но любил.

– Поэтому обращался со мной как с личной лабораторной крысой, которой в любой момент грозит сдохнуть? – зло скрипнула зубами. Помолчав, сухо спросила: – Когда планируются похороны?

– Завтра.

– Не хочу в этом участвовать, – добела сцепила меж собой пальцы и опустила голову.

Вероятно, я сейчас излишне резка. Все же мы говорим о родном брате дяди. И, как бы ни хотелось верить в иное, о моем собственном отце. Однако у меня, определенно, нет к родителю сейчас ни любви, ни привязанности. Даже те крохи сожаления, что имелись, после рассказа Савелия Андреевича испарились.

– Яра, – настойчиво позвал дядя. Подняла на него глаза. – То, что ты испытываешь к моему брату, естественно и нормально, – проникновенно произнес врач. – И ты меня не обидела, – добавил удивительно прозорливо.

– Благодарю вас, – ответила искренне. – И коли уж идет речь о моем отце, то хотела спросить, – пристально посмотрела на моментально ставшего сосредоточенным мужчину. – Вы случайно не в курсе, как именно он производил записи экспериментов? Где хранил?

– Зачем тебе? – в его голосе отчетливо прозвучало удивление.

– Я хочу знать, что он со мной делал, – помолчав, пояснила: – Каждый эксперимент имеет конкретную цель. Вне зависимости от исхода результаты записываются. Вполне вероятно, он не пытался меня сделать гениальной или вечно юной, а хотел сотворить нечто иное. Уже сейчас

я спокойно пользуюсь бытовой магией и выращиваю деревья. По моему мнению, ни к юности, ни к гениальности это не имеет прямого отношения. Я должна знать, чего ожидать. А вдруг, после всех опытов-то, меня ждет тяжелая болезнь? – выдав такое для самой себя невероятное предположение, замолчала.

– Вряд ли, – мужчина покачал головой. – В больнице ты неестественно быстро выздоровела. Мы с твоей тетей и реаниматологом не то что не видели подобного, но даже и не слышали.

Вот он и признался. А если бы я не спровоцировала? Так бы и молчал? Неправильно это. Неправильно.

– Спасибо, хоть сейчас рассказали, – не смогла сдержать горечи в голосе.

На лице Савелия Андреевича отчетливо проявилось огорчение. Он, похоже, искренне сожалел. Но все равно о внезапно обострившемся слухе, умении быстро усваивать информацию и способности управлять огнем я решила пока не упоминать. Сама знаю, и ладно.

Спустя долгую паузу, Игнатъев задумчиво произнес:

– Насколько знаю, твой отец пользовался компьютером для фиксации экспериментов. Кроме как в вашем полусторевшем доме ему быть негде. Я планировал завтра-послезавтра съездить, посмотреть. Вдруг цел остался. Дом под охраной артефактов, чужой не пролезет, но все же мешкать не стоит.

Я кивнула. Охрана охраной, но документы, пусть и электронные, лучше забрать. Может мне стоит поехать с ним? Вдруг я что-то в том доме вспомню?

Прерывая мои размышления, мужчина твердо заявил:

– Даже если Владимир и сделал открытие века, он нарушил закон. По указу императора России любые опыты над людьми, не достигшими двадцати одного года, караются смертью. Использование результатов таких опытов строго запрещено. На что брат рассчитывал, я, честно, не понимаю. Но, как медику, мне интересно, к чему он пришел, – признался, не отводя от меня глаз. – Тем не менее я не хочу, чтобы о преступной деятельности Владимира узнали. Не позволю трепать нашу фамилию, – мужчина нахмурился. – Ты умная девочка, уверен, поймешь все правильно. Реальных доказательств, что Ярослава Игнатъева получила во время пожара сильные ожоги, нет. Защитный купол, в котором тебя привезли в больницу, непроницаем для глаз. Его открывал Евгений Петрович. Фактически, кроме него и медсестры, тебя никто не видел. Видеокамеры в приемном покое не работают, карта вызова скорой утеряна, – он усмехнулся, давая понять, по чьей просьбе ее «потеряли». – С дознавателем я уже договорился: расследования как такового не будет, тебя не станут опрашивать и тревожить. Если кто-то спросит о причине госпитализации, говори, что физически не пострадала, но медики перестраховались. В больнице выявили потерю памяти. Проходишь лечение. На этом все.

– Ясно, – ответила негромко. В голове царил сумбур. Решив хорошо все обдумать, когда останусь одна, задала самый важный сейчас вопрос: – Савелий Андреевич, мне можно вернуть память?

Тот помолчал, затем тяжело вздохнул.

– Я ознакомился с твоим анамнезом и данными исследований, проведенных в больнице, – он говорил аккуратно, подбирая слова. – Яра, приборы и артефакты тебя не видят. Боюсь, это опять-таки результат экспериментов моего брата, – дядя тяжело вздохнул. – Есть варварские методы спецслужб, но к тебе их применять нельзя. Погибнешь, – глянул строго, потом мягко добавил: – Не расстраивайся. Просто поверь: иногда прошлое лучше забыть крепко-накрепко.

– Возможно, вы и правы, – промолвила и отвела взор. – Пойду к себе, пожалуй.

– Конечно, Яра. Иди, отдыхай, – с пониманием откликнулся Савелий Андреевич.

Улыбнувшись мужчине на прощание, я покинула кабинет.

В своей комнате остановилась у окна, глядя на темнеющий небосвод. Вроде бы мне все объяснили. Но отчего-то по-прежнему не желала верить.

Я – не она. Упрямая мысль засела иглой в разуме и не давала покоя.

Едва слышно скрипнула входная дверь. Через миг девичьи руки обняли сзади за плечи.
– Ну что ты, сестренка? Совсем расклеилась, – развернув к себе, Светлана шуточно меня потормошила. – Все образуется.

– Надеюсь на это, – откликнулась тихо. Прижавшись щекой к острому плечу девушки и думая о своем, едва слышно шепнула: – Надеюсь.

Япония. Токио. Хризантемовый дворец

– Мой господин! – ученый согнулся в нижайшем поклоне перед императором Ичиро. Сидя в кресле и мерно покачивая начищенной до блеска лакированной туфлей, тот наклонил голову набок и лениво обронил:

– Чем порадуешь?

– Мы вычислили место, где в России был всплеск силы, – подобострастно посмотрев на хозяина, торопливо продолжил: – Город Краснодар, улица Российская, дом 716.

Задумчиво пожевав губами, темноволосый мужчина властно уточнил:

– Отправил людей?

– Конечно, господин, – вновь согнулся в три погибели старик. – Прямого рейса нет, но они уже сделали пересадку в Москве. Через пару часов будут на месте.

– Жду результата завтра.

– Слушаюсь, мой господин, – не поднимая глаз и не разгибаясь, ученый, пятясь, покинул комнату.

А Ичиро довольно улыбнулся. Скоро, уже скоро все прояснится.

Включив с пульта навороченный музыкальный центр, он откинулся на спинку роскошного кресла и прикрыл глаза, наслаждаясь музыкой и великолепным голосом сына.

Глава 6

Спала я отвратительно: то просыпалась, то проваливалась в беспокойный сон, то видела непонятные, обрывочные картинки. Хаотично тасуя их, подсознание явно пыталось до меня достучаться. Казалось, еще чуть-чуть и... Но нет. Память упрямо не желала возвращаться.

Перевернулась на живот и, вконец измучившись, тяжело вздохнула. Жутко неудобный излишне мягкий матрас послушно прогнулся. Как же он мне надоел за ночь!

Обхватив подушку, с тоской посмотрела в открытое настежь окно, за которым звонко стрекотали невидимые цикады. Легкий ветерок, залетая в комнату, приносил с собой запах ночных цветов.

Я смотрела в темное небо, не в силах отвести взор от россыпи звезд: большие и маленькие огоньки таинственно мерцали, манили, беззвучно нашептывали. Внезапно показалось, что мое место не здесь, а где-то там, далеко-далеко. Возможно, во-о-он на той призывно сверкающей звездочке и есть мой настоящий дом.

– Заберите меня, – шепнула едва слышно. Острая тоска пронзила сердце. – Я не могу быть той, за кого меня принимают. Я – не она, – добавила чуть громче. Внезапно слезы навернулись на глаза.

Сев в кровати, вытерла их ладошкой и со злостью стукнула кулаком по ни в чем не повинной подушке. И, не совладав с разрушительной эмоцией, ощутила, как та вырвалась наружу. Над ладонью заплясал огонек. Я замерла, не отводя от него глаз.

Так, стоп! Я обязана себя контролировать. Нельзя подвергать опасности Игнатьевых.

Глубоко вдохнула, потом медленно выдохнула. Буквально через миг сердце забилось ровнее. Вскоре пламя погасло.

Особо не задумываясь над тем, что делаю, причудливо сложила ноги, удивительно привычно разместила на коленях руки ладонями вверх. Затем закрыла глаза и начала глубоко, ритмично дышать, прогоняя все ненужные мысли.

Вдох. Выдох.

Я вижу, как кровь свободно струится по венам, однако в каналах бушует золотистый эфир. Непорядок.

Вдох. Выдох.

Эфир успокаивается, покоряется моей воле. Достигается единение тела с духом, наступает полное расслабление, но одновременно я держу под контролем каждую клеточку организма.

Восстанавливая утраченный баланс, я удивительно просто оборвала связь с реальным миром. Поразительные ощущения.

Не знаю, сколько так просидела. Когда открыла глаза, за окном уже всю пели птицы, а солнечные лучи щедро освещали комнату. Я чувствовала восхитительно отдохнувшей и собранной. Вся информация, полученная за вчерашний щедрый на происшествия день, была проанализирована и разложена по нужным «полочкам».

Посмотрев во двор, улыбнулась новому дню. Теперь я знаю еще парочку своих навыков. К тому же, как оказалось, умею видеть и контролировать эфир в своем теле.

Будущее туманно, прошлое неизвестно, но это не повод опускать руки. С легкостью вскочила с кровати и неожиданно услышала тихий стук.

– Войдите, – разрешила уверенно.

Дверь отворилась, порог переступили дядя с тетей.

– Яра, как ты себя чувствуешь? – озабоченно поинтересовалась Тамара Валерьевна. Затем, несколько смутившись, добавила: – Доброе утро, девочка.

– Да нормально она себя чувствует. Сама же видишь, – басовито прогудел Савелий Андреевич, – Волнуется за тебя очень, – добродушно пояснил он, кивком указав на жену и цепко разглядывая меня.

– Не стоит беспокоиться, – ответила им обоим с искренней улыбкой. – Со мной действительно все в полном порядке.

– Это заметно, – подмигнул дядя. – И весьма радуется.

– Как ты спала? Удобно было? Матрас показался не слишком мягким? – с заботой спросила Тамара Валерьевна. – Прежде говорила, что он тебе очень нравится. Сравнивала себя с принцессой на пушистом облаке, – и она замерла, ожидая ответа.

М-да. Как и вишня, матрас мне категорически не понравился. И почему я не удивлена?

– Спала чудесно, – солгала самым наглым образом.

– Вот и хорошо, – с облегчением произнесла Тамара Валерьевна. – Ты этот матрас сама выбирала в магазине, – и она с торжеством победителя посмотрела на супруга.

Тот едва заметно усмехнулся. Затем встретился со мной взглядом. В его глазах отчетливо читалось... понимание. В отличие от тети, страстно желающей увидеть во мне прошлую Яру, мужчина моментально распознал ложь. Однако не осудил. Просто дал понять, что мое вранье «во благо» не осталось незамеченным.

Хм, неужто у меня появился союзник? Хорошо. Очень, очень хорошо!

Тем временем, достав из кармана портмоне, дядя вынул из него черный пластиковый квадратик с серебристыми цифрами и протянул его мне.

– Это банковская карта. На ней деньги для твоих личных расходов. Ежемесячно буду пополнять. Если возникнут проблемы с использованием, зови на помощь Светлану. Уж она-то отлично знает, что делать, – добавил со смешком.

– Ярочка, завтра тебе в школу, – деловито напомнила тетя. – Обязательно сегодня со Светой съездите и купите форму, канцелярию, рюкзак, ну и прочее, что приглянется. И не стесняйся, денег на карте более чем достаточно.

– Спасибо вам. За все, – я забрала у дяди карту и с благодарностью посмотрела на супругов Игнатьевых. В глазах неожиданно зашипало.

– Хорошо вам прогуляться. Сильно не балуйтесь, – Савелий Андреевич озорно подмигнул, разрядив обстановку. А потом, взяв под локоток супругу, повел ту к двери.

Внезапно Тамара Валерьевна остановилась, обернулась. Нахмурившись, строго сказала:

– Яра, ты всегда была благоразумной. Не иди на поводу у нашей дочери-авантюристки и не соглашайся на ее сумасбродные предложения.

Басовито рассмеявшись, дядя вывел супругу из комнаты.

Недоуменно посмотрев им вслед, пожала плечами. Я искренне не поняла, почему Света авантюристка и что за предложения она собирается делать. А вот дядя, похоже, догадался, о чем речь, но не разделил тревогу жены, лишь развеселился.

Пройдя в ванную, предусмотрительно собрала волосы наверх и с наслаждением, не торопясь приняла душ. Вытершись насухо, надела чистое белье, накинула халатик. А вернувшись в комнату, увидела сидящую возле стола Светлану.

Подперев ладошкой щеку, девушка задумчиво смотрела в окошко. Света выглядела чудесно: тщательно причесанная, в необычном, поделенном на две вертикальные половинки черно-белом платье. Интересно, куда собралась?

Рассматривая сестру, заметила на ее груди подаренный мной кулон. Похоже, действительно понравился.

– Доброе утро, – привлекла я внимание.

– И тебе не хворать, – моментально оживилась она. Встав, быстро поинтересовалась: – Есть сильно хочешь?

– Да не особо.

– Отлично. Тогда перекусим в кафе, – заявила уверенно. – Сейчас едем в центр, прошьвернемся по магазинам. Надевай что-нибудь легкое: сегодня обещают жару. Через тридцать минут встречаемся у моей машины. Стоит возле дома, – пояснила и умчалась.

– Ух ты! – пробормотала ей вслед. Света мне, однозначно, нравилась.

Ладно, одеваться так одеваться.

Пройдя в гардеробную, недолго думая, выбрала легкое бирюзовое платье без рукавов. Скинув халатик, оделась и посмотрела на себя в зеркало. Приталенное платье, доходящее до середины бедра, сидело просто отлично.

Привычно расчесав длинные волосы, сделала высокий хвост, сунула ноги в светлые полуспортивные туфли. Вспомнив о банковской карте, достала ее из кармана халата и переложила в боковой на платье.

Все, я готова.

Покинув свою комнату, шустро спустилась по лестнице, прошла через холл и открыла входную дверь. А едва вышла на террасу, моментально заметила его. Широко распахнув глаза, я буквально застыла от восторга.

На площадке рядом с домом стоял ярко-красный двухдверный купе. Он хищно блестел лакированным боком, прижимался к брусчатке и красноречиво транслировал миру: «Я быстрый. Очень быстрый».

Сестры в салоне машины пока не было. Ожидая Светлану, я подошла к ограждению террасы, облокотилась о перила и принялась с жадным любопытством разглядывать мощного железного коня.

Краса-а-а-вец!

Видимо, Тамара Валерьевна недавно так своеобразно намекала на любовь дочери к скорости. Что же, я, несомненно, соглашусь прокатиться «с ветерком». Тетя, прости.

Сердце замирало от предвкушения поездки, от нетерпения даже вспотели ладошки. Похоже, теперь и меня Тамара Валерьевна вполне может называть авантюристой.

Но почему сестра так долго копается? В стотысячный раз переодевается, что ли?

– Как тебе мой мальчик? – послышался за спиной довольный голос Светы. Наконец-то!

Обернувшись, с удивлением посмотрела на приближающуюся девушку. Я почти не сомневалась, что та наводила лоск перед поездкой. Ан нет, на красивом лице все так же не было ни грамма косметики, да и одежда та же. Разве только на плече появилась матерчатая сумка кремового цвета. Ну и вот чем она, спрашивается, занималась?!

Усмехнувшись, честно призналась:

– Понравился. Очень, – тут же заметила, как на лице сестры отразилось довольство. – Ты чего так долго? Сумку под платье не могла подобрать? – пошутила беззлобно.

– Не. Тебе подарок присматривала, – беспечно заявила девушка и скомандовала: – Запрыгивай!

Изумленно глянув на сестру, я молча поторопилась следом за ней к автомобилю. Очувтившись в салоне, осмотрелась. Здесь все буквально дышало удобством и комфортом.

Усевшись на водительском месте, Света щелкнула ремнем безопасности и строго приказала:

– Пристегивайся.

Без возражений повторив ее действия, я отрапортовала:

– Сделано!

Девушка привычно завела двигатель, выехала со двора и через сотню метров, подъехав к оживленному перекрестку, без малейших затруднений вклинилась в плотный поток машин.

Устроившись поудобнее в кресле, я приготовилась к скоростной поездке в центр города. Но Светлана удивила. Не тем, что управляла машиной с уверенностью профессионала, вовсе нет. Это было ожидаемо. Озадачивало другое.

То и дело слышались настойчивые сигналы автомобилей, довольно часто нас подрезали лихачи, ее мощный красавец утробно порывивал, казалось, прося: «Дай мне волю!», однако девушка ехала предельно аккуратно: каждое движение отточено, на лице невозмутимость с налетом легкой скуки.

Не сдержавшись, я удивленно хмыкнула.

– Думала, гонять по городской дороге буду? – поинтересовалась сестра.

– Есть такое.

– Скажу по секрету: обожаю скорость и гонки, – таинственно прошептала она. Переключив передачу, ловко обогнала ползущего перед нами тихохода. – Но городская оживленная дорога для них не место, – добавила строгим тоном. – Если хочешь, как-нибудь покатаемся. Есть пара мест, где мы с моим мальчиком отрываемся по полной.

– Очень хочу. А сегодня можно?

Света, остановившись на светофоре, звонко рассмеялась. Посмотрев на меня, пару мгновений молчала, а после кивнула.

– Значит, сегодня ночью пошалим, – она заговорщицки подмигнула. Затем, переведя взор на лобовое стекло, удивленно пробормотала: – О, и до нас уже добрался.

Не понимая, о чем речь, я быстро проследила ее взгляд. Огромный красочный баннер на обочине дороги тотчас дал ответ: мировая знаменитость певец Дэйчи впервые даст сольный концерт в Краснодаре. И состоится сие эпохальное событие на днях.

– Про билеты узнать, сестренка? – пряча смех, «заботливо» поинтересовалась плутовка.

– Прекращай, а? – глянула на нее с укором. – Ты лучше скажи, знаешь, как мой компьютер включить? – постаралась перевести тему с больной на нужную.

– Конечно. Нажимаешь на большую красную кнопку справа. Даже пароль могу сказать.

Память услужливо подкинула картинку. Я видела эту кнопку на системном блоке, когда тыкала в соседние, но из-за ядреного цвета не решилась нажать. Вернемся домой – сразу же включу. Очень хотелось проверить содержимое компьютера.

– Какой, говоришь, пароль?

Сигнал светофора изменился на зеленый, и автомобиль плавно тронулся с места, а девушка громко произнесла:

– «Дэйчи любимый». Без пробелов, – давясь от смеха, она тем не менее ни на миг не утрачивала контроль над автомобилем.

– Ты издеваешься?!

– Не-а, – Светлана отрицательно мотнула головой, аккуратно паркуясь меж плотно стоящих у обочины машин. Заглушив двигатель, отстегнула ремень, затем, посмотрев на меня, поиграла бровями. – Фантазия у тебя такая... богатая!

Неодобрительно покачала головой и поинтересовалась:

– Как думаешь, я его изменить не могла?

– Точно нет, – уверенно ответила сестра. – На следующий день после нашего скандала ты звонила маме. Сказала пароль и просила переслать тебе на телефон скачанные на комп фотографии. Мама передала эту просьбу мне, – она лукаво подмигнула. – Угадаешь, чьи фото так экстренно понадобились?

– Дэйчи? – предположила и поморщилась.

– Умница! – задорно воскликнула она. Затем посерьезнела. – Больше ты на связь не выходила. А с телефона сменить пароль на выключенном компе при всем желании невозможно, – выдержав многозначительную паузу, бодро предложила: – Идем. Дел невпроворот.

Кивнув, я выбралась из салона автомобиля.

А дальше началась беготня. Большие и маленькие магазины менялись чередой. Следуя безмолвной тенью за сестрой и неся в руках множество пакетов с вещами, я поражаюсь ее навыкам общения. Да и, что скрывать, начинала завидовать. Света не только разговаривала на

одном языке с продавцами. Она откровенно получала удовольствие, шупая ткани, выбирая мне «внеплановую» одежду и обувь. Да и себя любимую новыми вещами не забывала радовать.

Меня же бесконечное путешествие по магазинам жутко утомляло. Присев на мягкий пуф в очередном торговом зале, я поставила рядом пакеты и с тоской посмотрела на сестру. Взяв под локоток продавщицу, та отвела ее к самой дальней стойке и сейчас что-то убедительно говорила.

Пользоваться навыком улучшения слуха я не горела желанием, поэтому просто ловила изредка долетающие обрывки фраз. Иххватило, чтобы понять, о чем диалог: Светлана убеждала продавца, что форма непременно нужна из другой, более дорогой ткани, а сотрудница магазина уверяла, что все уже скупили дворяне.

Право слово, мне совершенно безразлично, из какой именно ткани сшита форма! Хотя из мешковины, главное, чтобы в школу пустили!

Опустила глаза, рассматривая носки своих туфель. По моим подсчетам по магазинам мы ходим четвертый час. Как Света не устала, не понимаю. И есть хотелось сильнее с каждой минутой.

– Все. Договорилась. Сейчас принесут. Иди оплачивать, – наконец-то услышала знакомый голос. Моментально вскочив, торопливо направилась к месту оплаты. – Послушная девочка, – долетел до меня смешок сестры.

Привычно не отреагировав на добродушное подтрунивание, уверенно пересекла торговый зал. Благодаря Свете я теперь моментально вычисляла, где нужно платить за покупки, и с лихостью пользовалась банковской картой. Впрочем, это оказалось на удивление просто. Похоже, я и раньше умела.

Через пару минут, получив очередной увесистый пакет, вернулась к сестре. Разделив покупки, мы покинули магазин и, к моей великой радости, направились к нашему автомобилю. Топать пришлось довольно далеко.

Сложив пакеты на заднее сидение, я уже собралась сесть в салон.

– Сейчас еще в один магазинчик зайдем, а потом поедим, – огорошила Света. Мысленно застонав, я с сожалением закрыла пассажирскую дверцу и хмурую глянула на жизнерадостную девушку. – Все, все! – та примирительно подняла руки. – Уже поняла – шопинг не твое. Честное слово, идем в последний. Тут совсем близко.

Тяжко вздохнув, пошла за Светланой.

На сей раз это оказался не магазин одежды или обуви и даже не парфюмерный, а антикварная лавка.

Подозрительно покосившись на Свету, уверенно входящую внутрь, оглянулась на нашу машину. Сестра явно не просто так выбрала место для парковки: нужный ей магазин оказался в шаговой доступности от автомобиля. Хм, судя по всему, здесь она собиралась купить мне подарок.

В момент, когда я переступила порог, мелодично зазвенел дверной колокольчик. Взгляд сразу привлекло множество открытых стеллажей и полок, заполненных разнообразными статуэтками, расписной утварью и прочими предметами. Да и пол не пустовал: на нем стояли гигантские вазы с непонятными узорами, сосуды с дырками по бокам неизвестного предназначения и много чего еще. Площадь торгового зала, определенно, использовали по максимуму.

Кроме нас, посетителей не наблюдалось. Светлана стояла у стеклянного прилавка и уже вовсю щебетала с уваленным сединами мужчиной в черной шапочке и жилетке, надетой поверх рубашки с длинным рукавом. И не жарко же ему!

Решив сестре не мешать, я медленно пошла по залу.

– А из чего, простите за любопытство, сделан ваш кулон? – долетел до меня голос собеседника Светы.

Я остановилась напротив стены с мечами, любуясь великолепным оружием и одновременно прислушиваясь. Стало интересно, что же такое я подарила сестре.

– Не знаю. Может, вы мне расскажете? – откликнулась девушка.

Спустя пару минут молчания старичок удивленно цокнул языком и с досадой произнес:

– Ваш кулон, хоть и не артефакт, но уж точно не пустышка. Из чего сделан, ума не приложу, а я, без ложной скромности, отлично знаю драгоценные и полудрагоценные камни. Этот же камешек словно и не из нашего мира. Не хотите продать? Щедро заплачу.

– Мне его подарил родной человек. С такими вещами просто так не расстаются, – мягко ответила Света. – Память о близких бесценна.

Внезапно во рту пересохло. В висках запульсировала кровь. Больше не слушая диалог, я замерла недвижимо. Не стоило расставаться с украшением. Мне его, однозначно, подарил кто-то очень близкий. Душа металась в поисках ответа. Попусту. Не помню. Ничего не помню.

А может, и правильно, что отдала? Света действительно рада моему подарку, потому просить вернуть уж точно не буду. Носить кулон в память о том, кого не помнишь, – даже звучит абсурдно.

Грустно улыбнувшись мыслям, бережно сняла со стены изящную катану. Неторопливо вынула из ножен блеснувший бегущей по клинку серебристой вязью узор меч. Рукоять привычно удобно легла в ладонь, и я искренне залюбовалась безупречным оружием.

Почему-то точно зная, что ничего здесь не сломаю и сама не поранюсь, пару раз резко крутанула кистью, сделала несколько выпадов. И ощутила, как эфир плавно потек через рукоять в металл. Миг, и клинок засветился голубым светом, затем стал ярко-алым.

Техника воды и огня. Почему-то я была в этом уверена.

Вздохнула и прекратила отток эфира в оружие. С тяжелым сердцем вернула клинок в ножны. Казалось, я прощаюсь с надежным другом.

Повесила катану на место, шагнула назад. Расставаться с мечом было откровенно жаль.

– Как же вы напугали! – внезапно разлетелся по помещению полный укоризны мужской голос.

Озадаченно нахмурившись, повернулась на звук. На меня пристально смотрели Света и ее собеседник. И если сестра таинственно улыбалась, то старичок нервничал.

Бесшумно подойдя к ним, вопросительно глянула то ли на продавца, то ли на хозяина лавки.

– И напугали, и удивили, и поразили! – изрек тот, качая головой. – Думал, сейчас поранитесь, а тут такое запредельное мастерство! Еще и у девушки! Слов нет! – мужчина развел руки в стороны.

Кашлянув, я не нашлась с ответом. Не скажешь же, что и сама опять поражена своими умениями. И вот зачем, спрашивается, в оружие вцепилась? Хотя есть и положительный момент. Теперь знаю, что владею и мечом, и боевыми техниками воды и огня. Задавать себе вопрос, откуда взялись навыки, похоже, бесполезно.

– Раз удалось вас поразить, уважаемый хозяин, то вы просто обязаны сделать скидку, – пользуясь моментом, невозмутимо заявила Светлана. – Я покупаю подарок сестре, – она указала кивком в мою сторону.

– Так это другое дело! – мужчина усмехнулся. Затем внимательно меня оглядел и, махнув пухленькой ладошкой, озвучил вердикт: – Полцены.

Ни секунды не медля, Света достала из сумки карту. Расплатившись, взяла из рук продавца бархатную черную коробочку. Открыв, вынула украшение, а футляр положила обратно на прилавок. Потом подошла и застегнула на моей шее тонкую цепочку.

– Носи с удовольствием, сестренка.

– Спасибо, – тихо ответила я. Взяла в ладонь кулон в форме изящного черного дракона, расправившего крылья. – Мне очень нравится.

– Еще бы! – загадочно хмыкнула девушка.

В этот момент раздался мелодичный перезвон дверного колокольчика, и в лавку вошел статный светловолосый юноша. На его породистом лице отчетливо читалось превосходство.

Не особо прячась, я с интересом рассматривала парня, явно дворянина. Не то чтобы он мне приглянулся. Скорее, стало просто любопытно.

Надо сказать, Светлана по ходу нашего набега на магазины то и дело украдкой обращала мое внимание на представителей высшего общества. И каждый раз рекомендовала держаться от них подальше.

– Рад, очень рад видеть вас снова, Егор Анатольевич! – подобострастно расплылся в улыбке хозяин магазина.

Небрежно кивнув, парень бросил ленивый взгляд на Свету, глянул на меня и внезапно замер. Осмотрев с ног до головы, поинтересовался с неприкрытым изумлением:

– Игнатьева, это ты?!

Глава 7

Солнце медленно клонилось к закату. Испытывая облегчение оттого что жуткие пробки закончились, я молча сидела на заднем пассажирском сидении и смотрела в окно.

Управляющий автомобилем Савелий Андреевич также был немногословен. Лишь в начале пути коротко сообщил, что, как положено, давал объявление о похоронах. Однако, кроме него самого и тети, никто не пришел.

И я ведь не ходила. Испытывала ли вину, что не проводила отца в последний путь? Нет. Ни капельки. Мое отношение к нему не изменилось. Эксперименты над собственным ребенком ради сомнительной славы – садизм. И это просто невозможно оправдать.

Широкая асфальтированная дорога, разделенная надвое полоской чахлого газона, размеренно ложилась под колеса массивного внедорожника дяди. По обеим сторонам проплывали потемневшие от времени шиферные крыши одноэтажных домиков. Одинокие деревья стыдливо тянули к солнышку узловатые ветви с пыльной листвой.

Я с недоумением рассматривала печальные деревца и редкие клочки травы, растущей на потрескавшейся земле около домов. Район, в который мы приехали, кардинально отличался от места, где жил дядя с семьей.

Отчего здесь так мало зелени? Почему нет ни газонов, ни клумб?

Внезапно слева жилые дома закончились. Потянулся длиннющий забор из металлопрофиля, щедро обклеенный полуоторванными и свежими бумажными объявлениями. Казалось, нет ему ни конца, ни края. Прямо за ним виднелись строения, ничуть не похожие на жилые дома, скорее, на склады. Судя по всему, это промзона.

Неожиданно в сердце заскреблась тоска. Таблички с номерами на разномастных деревьях, как сам мир, заборах свидетельствовали, что мой дом уже близко. Но, увы, ни единого проблеска воспоминаний пока не появилось.

Меж тем дядя плавно съехал направо. Затем остановился на небольшой асфальтированной площадке перед кривоватым металлическим забором. Когда-то выкрашенное зеленой краской ограждение местами облезло, но вряд ли из-за пожара, просто к нему давно не прикладывал руки хозяин.

Заглушив двигатель, Савелий Андреевич сообщил:

– Приехали.

Я вышла из внедорожника, но не торопилась отходить от машины. Стоя к ней спиной, внимательно осмотрела унылую улицу, где, по словам дяди, жила с отцом практически всю сознательную жизнь.

Вновь ни-че-го. Будто я тут прежде и не бывала.

Пристально посмотрела на влажно поблескивающий темно-синий защитный купол, словно плотная прорезиненная ткань, шатром накрывающий все за забором. Снаружи разглядеть что-либо было просто нереально.

Рядом с покосившейся калиткой виднелась белая табличка с черными цифрами 716. Судя по адресу, отлично запомнившемуся еще в больнице, это действительно мой дом.

Пора идти внутрь.

Повернув голову, вопросительно глянула на Савелия Андреевича. Усталый мужчина, прислонившись к капоту, хмуро смотрел себе под ноги.

Благодарность теплом затопила душу. У дяди, вне сомнений, и вчера, и сегодня не только физически, но и эмоционально тяжелые дни. Однако он ни разу не выказал раздражения.

Вот и сейчас, вместо того чтобы отдыхать, собирается искать на пожарище компьютер. Он хотел не только сохранить доброе имя семьи, но и помочь мне. Я это отчетливо понимала и ценила.

– Савелий Андреевич, – негромко окликнула.

Тотчас встрепенувшись, мужчина встретился со мной взглядом и с сочувствием спросил:

– Ничего не вспомнила?

– Нет, – покачала головой.

– Не переживай. Всеу свое время. Пойдем в дом.

Пошарив в висящей на плече сумке, дядя достал маленькую голубовато-зеленую пластинку. Провел по ней указательным пальцем, затем, не отводя взгляда от защитного купола, сжал в ладони. В то же мгновение темно-синяя «пленка» замерцала.

Быстро подойдя, Савелий Андреевич крепко взял меня за руку, подбадривающе улыбнулся и уверенно направился к калитке. Плечом толкнув мерзко скрипнувшую дверь, без раздумий шагнул прямо через защиту. Как выяснилось, плотный защитный купол еще и плохо пропускал солнечный свет.

Влажное нечто мягко коснулось лица, и я вышла перед своим домом.

Прищурившись, с удивлением осмотрела абсолютно целые стены, сложенные из старого красного кирпича. По правде говоря, ожидала на месте маленького полуторазэтажного дома увидеть закопченный остов. Однако строение внешне практически не пострадало: металлическая входная дверь находилась там, где положено, окна целы, лишь в одном из четырех разбито стекло. А вот пристройке – низкому, вытянутому в длину зданию без малейшего намека на окна, – похоже, досталось сильно: на ней полностью отсутствовала крыша. Может, это и есть лаборатория?

Меж тем дядя подошел к входной двери. С явным усилием потянул на себя ручку и вошел внутрь. Не мешкая, направилась следом.

Едва войдя в дом, сморщилась от нестерпимого запаха гари. Внутри все оказалось гораздо, гораздо хуже, чем снаружи. Стены и пол длинного мрачного коридора густо покрывал черный налет копоти. Взгляд зацепился за болтающуюся справа на сорванных петлях обгоревшую деревянную дверь.

Пройдя пару шагов, остановилась на пороге. Тусклый свет, проникающий сквозь разбитое стекло, позволял рассмотреть обугленный стол с клочками то ли клеенки, то ли скатерти и парочку табуреток. У противоположной стены в ряд стояли закопченные шкафчики, меж ними размещалась допотопная мойка. Похоже, это была кухня.

Наверняка я проводила здесь много времени, да вот только воспоминаний, как и прежде, не появилось.

Грустно улыбнувшись, повернула голову. Дядя уже куда-то отошел. Решив его подождать, осталась на месте, внимательно осматриваясь.

В самом конце коридора виднелась деревянная лестница. Слева от нее – обычная дверь, возможно, в комнату. А вот справа в стене зиял чернотой проход.

Неожиданно вспотели ладошки. Однако я не успела начать нервничать, как дверь распахнулась, и из нее вышел Савелий Андреевич. Он что-то искал в своей наплечной сумке. Наконец вытащив из ее недр продолговатый предмет, кивнул мне и решительно направился в чернильно-черный проход. Через миг в коридоре заплясали отблески белого света: запасливый мужчина принес с собой фонарик.

И я впервые узнала место, где нахожусь: по этому коридору нес меня на руках спасатель.

Конечно, подобное воспоминание невесть какая радость, но хоть что-то. И теперь я более чем уверена – дядя направился напрямиком в лабораторию. Стало ясно, отчего так разволновалась: слишком неприятные воспоминания об этом месте.

Нахмурившись, решительно двинулась следом за женщиной. Как только вошла, яркий свет фонаря резанул по глазам. Инстинктивно зажмурившись, услышала глухой голос Савелия Андреевича:

– Официальная версия дознавателей – бытовой пожар на кухне. Но это не так.

– Поджог? – поинтересовалась, быстро повернувшись на голос.

Светлая рубашка дяди маячила в глубине комнаты, а луч фонарика выхватывал покореженные полки с какими-то приборами, стеллажи, разбитые колбы. На миг свет застыл на обугленной деревянной балке, а после переместился на кресло. Даже сильно изувеченное огнем, оно отчетливо походило на медицинское. Рядом, на полу, валялись перекрученные, оплавленные кабели.

– Нет. Безалаберность брата, – голос мужчины заледенел. – Я был здесь много лет назад, но ничего не изменилось. Для пожарной безопасности в лаборатории даже элементарного не сделано. По моей просьбе о ее существовании дознаватели «забыли», и помещение не осматривали, но намекнули, что источник пожара находился вовсе не в кухне. Скорее всего, замыкание произошло именно здесь.

Не зная, что сказать, медленно подошла ближе. Медицинское кресло, рядом кабели... Вполне могло стать, проводка не выдержала во время очередного опыта.

Внезапно, словно хлыстом, обожгла мысль. Резко посмотрев на дядю, хрипло спросила:

– Где нашли отца?

– Около лестницы его комната, – ответил Савелий Андреевич. – Спасатели нашли тебя в коридоре, а Володю – на своей кровати, в состоянии сильного алкогольного опьянения. Брат умер от отравления угарным газом, так и не проснувшись, – в голосе дяди звучала с трудом сдерживаемая злость.

– Не понимаю, – пробормотала едва слышно. Глянув на Савелия Андреевича, повысила голос и, не таясь, призналась: – Когда бушевал пожар, я очнулась в лаборатории. Убегая от дыма и огня, обнаружила, что дверь заперта изнутри. Прекрасно помню, как открыла тугую задвижку, а после рухнула в коридоре, и меня спасли.

– Одна-а-ако, – озадаченно протянул мужчина. – Кроме вас двоих, в доме тогда совершенно точно никого не было, – он нахмурился и уверенно продолжил: – Есть только один вариант, почему дверь оказалась заперта изнутри: ты сама это зачем-то сделала.

Вскоре луч света вновь заскользил по стенам.

Не задавая больше вопросов, попыталась переварить услышанное. И просто молча ждала, чем увенчаются поиски дяди. Мы пришли за компьютером, но, очевидно, кроме него, мужчина надеялся обнаружить еще что-то.

– Нашел! – через некоторое время воскликнул довольно он. И попросил: – Посвети, – передав фонарик, указал рукой, куда именно надо направить луч.

Замерев, я держала наш единственный источник света и напряженно наблюдала за действиями дяди. Быстро пройдя через комнату, тот занырнул под один из столов, а затем вытащил из-под него системный блок.

Разглядывая в его руках не сильно, но все же покореженный огнем металлический корпус, ощутила острый укол разочарования. Неужто ничего не выйдет?

Словно отвечая на мои мысли, Савелий Андреевич произнес:

– Не вскрывая системник, сложно сказать, насколько сильно пострадал жесткий диск. Надеюсь, нам повезет, и его получится пересыпать на новый корпус. Дома займусь. А сам не справлюсь, так есть к кому обратиться за помощью, – нахмурившись, он помолчал. Затем, прямо посмотрев мне в глаза, удивил: – Твой отец не только записывал результаты опытов текстом. Когда я приезжал последний раз, Володя похвастался, что ведет видеофиксацию всех экспериментов. Предлагал оценить. Я не стал тратить свое время, – дядя тяжело вздохнул. –

Вон там, на стене, сгоревшая видеокамера, – мужчина замолчал, позволяя самой догадаться, о чем речь.

– Вы думаете, есть шанс увидеть произошедшее перед пожаром?

– Все может быть, – пожал плечами тот. – В комнате брата компьютера я не нашел. Если свежее видео есть, то на этом блоке. Пойду отнесу его в машину и вернусь за тобой. Без меня через защиту ты не пройдешь, а снимать ее, думаю, пока не стоит, – он явно о чем-то задумался, а после предупредил: – На втором этаже только твоя комната. Лучше туда не поднимайся: лестница деревянная, насколько сильно пострадала от пожара, не знаю. Не стоит рисковать. Идеально, если побудешь во дворе.

– Я вас здесь подожду, – ответила уверенно.

Дядя покачал головой и направился к выходу из лаборатории. На всякий случай осветив ему путь, удостоверилась, что мужчина благополучно ушел.

И да, я не из праздного любопытства или вредности решила остаться в лаборатории. У меня созрел маленький план.

А если встать на то место, где я пришла в себя? Вдруг, как в коридоре, что-то вспомню?

Светя под ноги фонариком, аккуратно обошла лежащую на полу обгоревшую балку. Через пару шагов остановилась и внимательно осмотрелась. Вроде бы здесь.

Присев на корточки, посветила вперед. Луч выхватил из темноты распахнутую настежь металлическую искореженную жаром дверь.

Не двигаясь, прислушалась к ощущениям. Увы, затея оказалась провальной. Ничего нового так и не вспомнилось.

Медленно поднялась. Фонарик дрогнул в руке, и в его свете на полу что-то блеснуло. Без раздумий направила туда луч и с удивлением обнаружила среди обгоревших кабелей и осколков стекла изящный клинок.

Наклонившись, бережно его взяла. Замысловатая сложная темно-серебристая вязь полностью покрывала сталь. Несомненно, клинок – не простое оружие.

Ритуальный нож – внезапно пришло понимание.

Ошарашенно посмотрела на клинок. Откуда я это знаю?!

От удивления непозволительно утратила контроль, фонарик выпал из ослабевших пальцев и, погаснув, куда-то откатился.

– Вот ведь растяпа! – разлетелся по лаборатории мой сердитый голос.

В темноте найти потерявшийся фонарик оказалось весьма проблематично. Не выпуская клинок из руки, нагнулась и принялась энергично шарить по полу. И почувствовала, как сама себя уколола ножом.

В тот же миг в мозге словно что-то взорвалось, окатив запредельной болью. Утратив всякую связь с реальностью, я увидела свое прошлое. Все происходило как в густом тумане.

Размытое женское лицо в ореоле светлых волос склонилось надо мной. Надев мне что-то на шею, незнакомка шепнула:

– На память, – немного помедлив, мягко продолжила: – Когда наступит время, ты вспомнишь. Верю, поймешь и не осудишь, – ее голос слегка дрогнул, а после женщина громко воскликнула: – Живи!

Резкий взмах, блеснула затейливая сложная вязь на лезвии ритуального ножа. Через миг сталь клинка вонзилась мне прямо в сердце.

Буквально услышав хруст своих ребер, я застонала и распахнула глаза.

Что это было?! Кто эта женщина?! И почему я осталась жива?!

Откуда-то я четко знала, что все, пролетевшее за короткий миг в памяти, не бред воспаленного мозга. Это действительно воспоминание из моего *реального* прошлого. Но снова ничего не прояснилось.

Как же надоело!

Скрипнув зубами, крепко сжала рукоять клинка и, слегка пошатываясь, побрела к выходу из лаборатории. Едва переступила порог, заметила идущего по коридору Савелия Андреевича.

– Что случилось? – встревоженно поинтересовался он. Через миг мужчина оказался рядом. Аккуратно взяв за плечи, наклонился и, заглядывая в глаза, настойчиво повторил: – Что случилось, Яра?

– Фонарик ваш потеряла, – не желая рассказывать правду, пробормотала первое пришедшее в голову. Немного подумав, добавила: – Ножик нашла.

Не обращая внимания на клинок в моей руке, дядя едва заметно улыбнулся.

– Какой ты, по сути, еще ребенок, – мужчина покачал головой. – Поехали домой, Ярослава. Тетя звонила: ждет нас. У нее есть новости. Плохие или хорошие, не уточнила, – не дожидаясь ответа, дядя решительно повел меня на выход.

Без происшествий миновав защитный купол, я молча уселась на заднее сидение внедорожника. Савелий Андреевич устроился за рулем, и через минуту автомобиль тронулся.

Глядя в окошко, я не видела мелькающих вдоль дороги домов. Вновь и вновь прокручивая такие неожиданные и крайне неоднозначные воспоминания из прошлого, искренне пыталась разобраться.

Единственное, что пока более-менее прояснилось, – это откуда взялся кулон на моей шее. Его подарила светловолосая. На память. Но потом, сказав: «Живи!», ударила клинком в сердце.

В голове подобное просто не желало укладываться. Это что, какой-то ритуал? Но зачем? И куда подевалась незнакомка после? Почему я думала, что украшение – подарок от близкого и родного человека? Мне ведь это не просто показалось, я была твердо уверена.

Сведя брови к переносице, хмуро глянула на клинок, лежащий на коленях. Вспомнились подслушанные слова реаниматолога: «Ни единого препарата ввести не удалось: в месте соприкосновения с кожей иглы ломались». Но сейчас же я умудрилась пораниться!

Надо перепроверить.

Быстро взяв клинок, решительно уколола острием указательный палец. На коже набухла маленькая капелька крови. Увы, новых воспоминаний больше не появилось, а вот ранка через миг затянулась.

Стерев алую каплю, покачала головой. Чего я добилась? Да ничего. И так знала, что этим ножом могу порезаться.

А может, мое тело противится, когда кто-то другой пытается проколоть кожу? Но светловолосая чудесно справилась, воткнув в меня загадочный клинок. Получается, дело в нем? Или нет? Надо дома взять другой нож и попробовать.

Положив клинок обратно на испачканный подол платья, задумчиво потерла грязное пятнышко сажи на запястье. Дядя не прокомментировал мой внешний вид, но, уверена, я сейчас та еще красавица.

В душе глухо kloкотало раздражение. Не из-за грязных рук или испорченного платья, вовсе нет. Дико надоело ничего не помнить, не понимать того, что со мной творится, и ждать неизвестно чего.

И тут до меня наконец-то дошло. Вот же дура! Эта женщина из прошлого сказала: «Когда наступит время, ты вспомнишь». Получается, у меня нет амнезии от стресса. Мою память умышленно заблокировали, причем до какого-то определенного момента.

Что я такое знаю?! Почему не должна помнить об этом сейчас, но потом – пожалуйста?! Отчего незнакомка, вонзившая мне нож в сердце, верила, что пойму ее?!

Застонав про себя, прижалась лбом к стеклу. Должен, просто обязан найтись способ вернуть память! И не когда-то потом, а сейчас.

– Ты устала? – раздался голос дяди.

– Немного, – ответила негромко и поморщилась. Голова и так разбухла от мыслей, а ведь еще у тети есть новости. И пока непонятно, плохие или хорошие.

Почувствовав настойчивое внимание, глянула на Савелия Андреевича. Тот пристально смотрел на меня в зеркало заднего вида. По-своему оценив мои нахмуренные брови, мужчина добродушно произнес:

– Ехать немного осталось. Потерпи. Скоро отдохнешь.

Едва заметно кивнув, я вновь повернулась к окошку.

Глава 9

Япония. Токио. Хризантемовый дворец

Ночь мягко опускалась на прекрасный придворцовый парк Фукиагэ. Прикрыв глаза, император Ичиро уже довольно давно недвижимо сидел на лавочке. Выглядел мужчина расслабленно, даже безмятежно, но впечатление было обманчиво. Государь нервничал: долгожданные сведения из России запаздывали.

Едва слышный звук знакомых шагов коснулся его слуха. Наконец-то! Выждав паузу, Ичиро медленно открыл глаза и пристально посмотрел на склонившегося перед ним с планшетом в руке советника Юшито. Привычно нащупал в своем кармане артефакт, активировал полог тишины и отрывисто приказал:

– Говори.

– Ваше величество, пришла информация из России, – выпрямившись, доложил Юшито. Ичиро прищурился, не отводя тяжелого взгляда от собеседника. – Тоширо верно определил координаты всплеска силы. Спецы на месте зафиксировали остаточный след. Это жилой дом. В ночь выброса силы произошел пожар, и строение пострадало. Российские дознаватели сразу же закрыли его защитным куполом. Не привлекая внимания местных, пробраться внутрь не получится. Наши пообщались с очевидцами, аккуратно навели справки в отделе дознания. Установлено, что в момент пожара в здании находились двое: простолюдины – отец и дочь. Мужчина погиб, девушку доставили в больницу. Сейчас ее состояние удовлетворительное, проживает в доме дяди, простолюдина Савелия Андреевича Игнатъева.

Нахмурившись, император Ичиро едва заметно поджал от досады губы. Не таких новостей он ожидал. Совсем не таких.

– В доме точно больше никого не было? – глухо поинтересовался правитель.

– Абсолютно, – голос советника прозвучал уверенно. – *Гостью* никто не видел. За этим домом мы прежде присматривали, – встретившись с цепким взглядом правителя, Юшито бесстрастно продолжил: – Погибший мужчина – тот самый артефактор, которым так живо интересуется госпожа Айко, – советник многозначительно замолчал.

– Даже так? – император удивленно качнул головой. Сведя брови к переносице, Ичиро погрузился в размышления. Не нарушая тишины, Юшито терпеливо стоял перед господином. Спустя время тот приказал: – Рассказывай все, что есть на дочь артефактора. И покажи ее, – он откинулся на спинку деревянной лавочки.

Быстро включив планшет, Юшито передал гаджет императору. Учтиво поклонившись, произнес:

– Фотографии сделаны сегодня, – и начал по памяти рассказывать: – Ярослава Владимировна Игнатъева – единственная дочь простолюдина Владимира Андреевича Игнатъева. Жила вдвоем с отцом. Девушка, как и отец, из неоткрывшихся. Ей без малого восемнадцать лет, учится в обычной краснодарской школе. Успехов в учебе не демонстрирует. Отношений со сверстниками сторонится. Нелюдимая. Неразговорчивая. Слабохарактерная. В целом, ничем не примечательная личность.

Листая на планшете фотографии светловолосой стройной красавицы в бирюзовом платье, император сильнее и сильнее хмурился. Чем дольше он всматривался в лицо девушки, тем больше недоумевал. Казалось, советник описывает кого-то совершенно другого. Но это в принципе невозможно: Юшито приносит только достоверную информацию.

Однако своим глазам Ичиро предпочитал верить. Опытный правитель отлично разбирался в людях и с первого взгляда мог сказать о человеке очень и очень многое.

Девушка с фотографий уж точно не слабохарактерна. Она, бесспорно, обладает внутренним стержнем, да и внешность яркая. К удивлению, император даже заметил схожие черты с *гостьей*. Впрочем, все европейцы для азиатов похожи. Наверное, просто показалось.

«Почему такое расхождение в описании? – внимательно слушая советника, мудрый правитель не прекращал изучать фотографии Ярославы Игнатъевой. – Неужели горе-ученый сумел создать свой артефакт? Да нет, быть того не может!» – отмахнулся мысленно, но все же сомнения закрались в душу.

– Единственное увлечение Ярославы – музыка, – тем временем сообщил Юшито. – Точнее, певец, – он позволил себе чуть-чуть усмехнуться. – Девушка долгое время активная фанатка принца Дэйчи.

Император впервые за разговор едва заметно улыбнулся. Вот в фанатстве-то он не видел ничего сверхъестественного. У его талантливого сына почитателей в разных странах множество.

Внезапно Ичиро замер, не в силах отвести взгляда от изображения двух красивых девушек, стоящих возле ярко-красного купе. Увеличив пальцами фото, император неожиданно охрипшим голосом поинтересовался:

– Кто эта темненькая?

Шагнув ближе, Юшито глянул сверху вниз и уверенно ответил:

– Светлана Савельевна Игнатъева, двоюродная сестра Ярославы Игнатъевой. Именно в их доме теперь живет Ярослава. Сегодня полдня девушки гуляли по магазинам, занимались покупками. На похороны отца единственная дочь не пошла, – добавил и неодобрительно качнул головой.

Не отреагировав на слова советника, император еще больше увеличил изображение. Затем грозно рыкнул:

– Сюда смотри!

Юшито посмотрел на украшение на груди Светланы и с досадой поджал губы.

«Ну почему я пропустил?! Отчего сам-то не обратил внимания?! Вот идиот! – нещадно укорил себя. Всегда внимательный к самым мелким деталям, Юшито допустил непростительную оплошность. – А вдруг просто похож? Мало ли схожих украшений? – мелькнула призрачная надежда и тотчас пропала. Затейливый узор на гранях *этого* камня мужчина видел не раз и не два. – Кого я обманываю? Ошибки точно нет».

– Прошу прощения, мой господин, – глухо произнес советник. – Я виноват. Не обратил внимания. Подумал, пустая безделушка. Вы правы. Это кулон *гостьи*, – он покаянно опустил седую голову.

– За мелочами прячется большое, – ледяным тоном отозвался Ичиро, в упор смотря на провинившегося мужчину. Однако наказывать того не собирался: знал, советник сейчас будет носом рыть землю, стараясь реабилитироваться. Помолчав, невозмутимо продолжил: – Либо *гостья* затеяла какую-то неведомую нам игру с русскими, что маловероятно, – он поморщился, – либо происходит нечто экстраординарное. Аккуратно ищите Таисию. С *обеих* сестер глаз не спускать. На вторую девушку мне нужно полное досье. И следи за Айко, она не должна спутать нам карты. Оплошаешь, пеняй на себя. Обо всем, даже самом незначительном, докладывать немедленно.

– Я не подведу, мой император, – низко поклонился Юшито.

– Надеюсь, – обронил правитель Японии. – Ступай, – приказал и, выпрямив ногу, невольно поморщился от боли в коленном суставе. Почтенный возраст чаще и чаще давал о себе знать.

Проводив глазами не по годам энергичного советника, Ичиро, казалось, позабыл деактивировать полог тишины. Неотрывно глядя на прямую спину удаляющегося мужчины, он напряженно размышлял.

Уходя в тот раз, гостья из другого мира твердо знала, что у них все готово. Таисия обещала непременно вернуться, причем в самом скором времени. Это не только в интересах Японии, но и ее собственного мира.

Но планы были нарушены.

Информацию хранили в строжайшем секрете, и горстка избранных, осведомленных о визитах иномирной гостьи, редела с каждым годом. Через долгих тридцать лет осталось лишь трое, кто не только видел ее лично, но и просто знал о ней: ученый Тоширо, Юити да сам Ичиро.

И вот вроде бы дождались. Но и теперь все пошло не так. Долгожданную гостью зачем-то понесло в Россию, ко всему прочему, всплеск ее *силы* зафиксирован не абы где, а в доме того самого неудачника-артефактора!

Практически с первого дня правитель Японии знал и о сути сомнительных опытов русского, и о том, что Айко их спонсирует. И, хотя не верил в их успех, на всякий случай держал руку на пульсе.

Именно из-за своей осведомленности Ичиро абсолютно не сомневался – эти эксперименты никоим образом не имеют отношения к визитам гостьи из другого мира. Но если наличие *чужой силы* в доме русского артефактора хоть как-то объяснимо, то украшение Таи на груди русской девушки-простолюдинки – нет.

Этот кулон гостья носила во время всех визитов. Женщина не скрывала, что он, по сути, обычное для ее мира украшение, но пресекла на корню попытку любознательных японских ученых завладеть иномирным камнем. Она твердо заявила, что дорожит им как памятью о любимом мужчине и ни при каких обстоятельствах не расстанется.

В тот день, когда гостья возвращалась в свой мир, украшение висело на ее шее. Ичиро видел это собственными глазами. Откуда же кулон появился у русской простолюдинки? И куда подевалась сама гостья?

Как жаль, что за домом того артефактора не велось круглосуточное наблюдение. Но кто бы мог представить подобное?

Предположение о том, что гостья скрывается или налаживает контакт с русскими, император Японии сразу же отверг. В этом не было и нет ни малейшего смысла: они давным-давно достигли взаимопонимания, условия сотрудничества детально обговорены и устраивают обе стороны.

Что же случилось?!

Мыслей теснилось много и разных. Однако делать поспешные выводы Ичиро привычно не собирался. Логика и обостренное чутье ему твердили – необходимо сосредоточить внимание не только на максимально осторожных поисках гостьи на территории другого государства, но и непременно разговорить сестер Игнатьевых. Причем императора больше интересовала не та, которая носила на груди кулон *из иного мира*, а вторая – изменившаяся Ярослава.

«Дочь артефактора находилась в доме в момент выброса силы гостьи. Той же ночью случился пожар. О присутствии в доме ее сестры информации нет, – неспешно размышлял император. – Ярослава не слепая и не глухая, должна была хоть что-то заметить. Возможно, кулон каким-то образом достался именно ей, а потом она просто отдала украшение сестре, – мужчина сурово нахмурился. – После смерти отца единственная дочь не проявила к родителю должного почтения, не проводила в последний путь. Вместо этого предпочла с сестрой ходить по магазинам. Девушки явно дружны, а вот между артефактором и его дочерью имелся серьезный конфликт. Ярослава – активная фанатка Дэйчи, – Ичиро многозначительно усмехнулся. – И это как нельзя кстати. Ничего более невинного и не придумашешь. Девушка сама, причем добровольно, все и расскажет Дэйчи».

Достав из нагрудного кармана мобильный, император глянул на дисплей. Разница во времени с Москвой пять часов. Последний концерт у Дэйчи прошел вчера. Сын наверняка отдыхает, но, однозначно, еще не спит.

Набрав нужный номер, Ичиро приложил телефон к уху.

Москва. Немного позднее

В шикарном люксе фешенебельного московского отеля горел яркий свет. Очень высокий стройный юноша, одетый в простые, но дорогие темно-синие джинсы и светлую свободную рубашку ходил из комнаты в комнату.

Бесшумно ступая белоснежными кроссовками по пушистому ковру, наследный принц Японии и всемирно известный певец Дэйчи собирал свою одежду и складывал ее в чемодан.

Прислуги, даже на гастролях, хватало с избытком, но двадцатичетырехлетний парень предпочитал самостоятельно укладывать личные вещи. Ему это было не в тягость. Напротив, даже нравилось.

Небрежно откинув с красивого лица длинную прядь темных, как вороново крыло, волос, достал из комода последнюю футболку. Задвинув ящик, подошел к широченной кровати, аккуратно положил одежду в чемодан, захлопнул крышку и привычно закрыл застёжки.

«Вроде ничего не забыл», – подумал, внимательно осматриваясь.

Внешне юноша казался невозмутимым, но даже спустя час после звонка отца, хоть злость и отпустила, испытывал нешуточное раздражение: раньше запланированного срока придется лететь в Краснодар.

Но нервничал он не из-за разрушенных планов пусть и на короткий, но заслуженный отдых, который так хотелось провести в Москве. Его жутко взбесила просьба отца, а вернее, завуалированный под нее приказ.

Мог ли он отказаться? Абсолютно точно – нет.

Император сыну многое разрешал, но не позволял забывать о статусе наследного принца сверхдержавы. Долг перед империей всегда стоит выше личного – об этом юноше твердили с раннего детства.

И теперь Дэйчи предстояло сделать то, чего искренне не хотелось, причем до зубовного скрежета. Он должен не просто пообщаться наедине с влюбленной фанаткой, но и ненавязчиво узнать у девушки нужную для императора информацию.

«Дожил! Мало того что придется терпеть томные взгляды очередной жертвы влажных фантазий, так еще и шпионом стану! Это вообще за гранью! – сев на край кровати, юноша сердито прищурил довольно большие для азиата черные, как ночь, глаза. Подавшись вперед, оперся локтями о колени, переплел меж собой длинные изящные пальцы. Костяшки побелели от напряжения. Раздражение не желало угасать. Перспектива использовать чувства девушки для выполнения приказа императора вызывала омерзение. – Хорошо хоть, в постель с ней не заставил ложиться!» – желваки заиграли на точеных скулах.

За последние годы плотных гастролей Дэйчи повидал множество всяких поклонниц: и сереньких мышек-скромниц, и активных умниц-красавиц, и даже тех, кто дошел до грани безумия в своем желании добиться его внимания. Но никогда и ни при каких обстоятельствах не заводил с ними тесной дружбы и тем более не имел романов. Эти правила он установил для себя еще в начале творческой карьеры. И ни разу не пожалел.

Конечно же, Ичиро знал о принципах сына. И прежде ни о чем подобном не просил и уж точно не приказывал. Похоже, дело действительно крайне щепетильное и серьезное.

Разомкнув пальцы, Дэйчи с силой потер ладонями лицо.

«А чего я, собственно, психую? Видимо, устал за год гастролей больше, чем предполагал, – неодобрительно поморщился. – Просто по-человечески пообщаюсь с девушкой, задам наводящие вопросы. Ответит – отлично. Нет, значит, нет», – он грозно нахмурился.

Император не рассказал, чем вызван такой запредельный интерес к русской простолюдинке Ярославе Игнатьевой. Но Дэйчи прекрасно понимал, что его намеренно используют вслепую. И причина лишь одна: девушка имеет непосредственное отношение к строго засекреченной информации. А к государственной тайне наследный принц получит доступ только после коронации.

В таких делах особо не миндальничали. Этой Ярославе, можно сказать, повезло – она гражданка Российской империи. Была бы подданной его страны, то, скорее всего, общалась бы уже с профессионалами из спецслужб отца.

Дэйчи с горечью усмехнулся. Он желал обычной человеческой жизни. Хотел встретить ту самую, единственную девушку на свете. Стать любящим мужем, заботливым отцом и просто заниматься любимым делом: писать музыку, радовать людей новыми песнями. Жить без этих вот тайн, дворцовых интриг, шпионажа и прочего.

Увы, не выйдет. Он сын императора Японии, наследник. Своей судьбе вроде и хозяин, но лишь отчасти. Самое главное – интересы государства. Ну а остальное – он сам – вторично.

Условный трехкратный стук отвлек от грустных мыслей.

– Входи, Мичи, – негромко разрешил Дэйчи. – Открыто.

Через мгновение в номере появился невысокий жилистый парень с планшетом в руках. Плотнo закрыв за собой дверь, подошел к сидящему на кровати принцу.

– Нашел что-нибудь? – заинтересованно спросил Дэйчи у верного помощника и друга детства.

Хотя император перечислил вопросы, на которые нужно получить ответы, но намеренно ничего не сообщил о девушке, кроме того что она его активная поклонница. Еще и огорчил просьбой составить о Ярославе Игнатьевой личное мнение. Очевидно, отец вновь играл в какие-то свои игры.

Однако Дэйчи не запретили самостоятельно получать информацию. Этим-то он и воспользовался: после звонка Ичиро озадачил Мичи просьбой узнать про фанатку Игнатьеву. Интересно, удалось ли хоть что-то раздобыть?

Тем временем помощник с напускным огорчением ответил:

– Обижаешь, – а потом, тепло улыбнувшись, принялся докладывать: – Ярославе Игнатьевой восемнадцать. Состоит в евразийском фанклубе больше пяти лет. В сети довольно активно общалась с другими поклонниками. Включена в список приглашенных фанатов на первый концерт в Краснодаре. Стандартное приглашение ей отправлено на электронку. Месяц назад прислала письмо на твоё имя. Там ничего необычного: признания в любви, надежды на скорую встречу и взаимные чувства, – он протянул гаджет принцу, глянув на того с участием. – К письму приложила фотографии.

Прочитав текст коротенького электронного письма, Дэйчи едва заметно поморщился. Послание, рассказывающее о страстной любви, конечно же, написано на японском, и глаза резали грубейшие ошибки. Впрочем, такое уже привычно. Не зная японского, многие влюбленные поклонницы писали ему, используя электронный переводчик. Увы, и Ярослава Игнатьева не стала исключением, пошла по тому же пути.

Принц давно поручил читать личные письма Мичи не просто так. Дэйчи ненавидел безграмотные тексты. Сам он отлично владел несколькими языками, в том числе английским и русским, и не делал из этого тайны. Поклонницы вполне могли писать на своих родных языках, но отчего-то даже не пытались. Вероятно, таким образом хотели проявить уважение? Так обратились бы за переводом к профессионалу! Зачем, ну зачем заставлять продирааться через нагромождение несвязанных фраз?!

Обреченно вздохнув, юноша принялся рассматривать фотографии Ярославы. Та явно пыталась его заинтересовать, снимая саму себя на телефон.

«Радует, хоть не додумалась одежду сбросить», – размышлял парень, неохотно рассматривая корявые позы девушки и фальшивые маски на невыразительном лице.

Ярослава неумело пыталась изобразить то глубокую задумчивость, то игривость, то страсть. Дэйчи неодобрительно покачал головой. Зачем отец просил составить свое мнение? Тут же сразу понятно – неинтересная пустышка. Общение, определенно, предстояло утомительным.

– Дэйчи, – окликнул Мичи. Встретившись с ним взглядом, неожиданно огорошил: – Я тут по своим каналам узнал, что Ярослава жила вдвоем с отцом. На днях сгорел их дом. При пожаре отец погиб, но девушка не пострадала.

Принц нахмурился. Незнакомую Ярославу Игнатьеву стало искренне жаль.

Что там девушки любят? Дорогие рестораны, пафосные машины? Пожалуй, можно доставить ей такое удовольствие. Плохо, что поклонница напридумывает лишнего. Но, к сожалению, этого не избежать.

Сердито покачав головой, юноша стремительно поднялся, остро посмотрел на помощника. Понятливо кивнув, тот отошел к журнальному столику, взял с него черную кепку, темные очки и вернулся к принцу. Привычно надев свой нехитрый камуфляж, Дэйчи благодарно улыбнулся, затем, резко став серьезным, поинтересовался:

– У черного входа дежурят?

– Меньше, чем у центрального, но и там поклонницы есть, – доложил Мичи. – Я договорился с администрацией. Машина прямо у входа. Охрана на месте. Проскочишь, – добавил уверенно.

– Надеюсь, – с досадой пробормотал принц.

Давным-давно скромный романтичный юноша мечтал о популярности, но теперь жутко устал от ее «побочки». Излишнее, пристальное внимание откровенно утомляло, раздражало и порой бесило, но Дэйчи старался всегда оставаться максимально вежливым с поклонниками и репортерами. «Звездной болезни», как со многими другими артистами, с ним не случилось.

Мичи решительно взялся за ручку чемодана певца. И хотя он прекрасно знал, что друг предпочитает сам носить личные вещи, но упрямо желал помогать. Решив в этот раз не начинать извечный спор, Дэйчи стремительно пересек комнату и вышел в коридор.

Глава 10

Краснодар. Это же время

Внедорожник Савелия Андреевича мягко остановился возле дома.

– Не жди. Иди, отдыхай, – ласково произнес дядя, обернувшись. – Мне еще надо загнать машину в гараж.

Кивнув, я открыла дверцу и выпрыгнула из салона на брусчатку. Аккуратно спрятала нож в боковой карман испачканного сажей платья. Прикрыв ладонью торчащую рукоять и придерживая острый кинжал, зашла в дом.

Едва закрыла дверь, услышала торопливые шаги. Быстро выйдя из кухни-столовой, Тамара Валерьевна внимательно осмотрела меня с ног до головы.

– Ты такая чумазая. Что случилось? – озадаченно поинтересовалась она.

– Ничего, – ответила, прижимая руку плотнее к телу и пряча от взгляда кинжал. – Ездили в мой дом. Там грязно. Вот, испачкалась.

На лице родственницы отчетливо отобразилась смесь грусти и сочувствия. Помолчав, тетя мягко сказала:

– У меня новости, – увидев, как я насторожилась, торопливо продолжила: – Не волнуйся. Хорошие, – а затем, повысив голос, позвала: – Харуко! Подойди, пожалуйста, к нам!

Из кухни на зов вышла улыбчивая пожилая японка. Низко-низко поклонившись, маленькая стройная женщина впиалась в меня цепкими глазами.

Меж лопатками табуном пробежали неприятные мурашки. С первого взгляда незнакомка мне категорически не понравилась. Было в ней что-то неискренне и даже опасное.

Тем временем Тамара Валерьевна зашебетала:

– Ярочка, это Харуко. Не помнишь? – Я покачала головой. Бросив быстрый взгляд на молчащую японку, тетя снова посмотрела на меня. Затем начала рассказывать: – Харуко работала у вас с папой. Володя ею восторгался. Да и ты прежде отлично ладила. Даже дружила, – и, выдержав паузу, торжественно сообщила: – Теперь она будет жить с нами и помогать по хозяйству.

Не испытывая радости, напротив, усиливающуюся тревогу, я нацепила маску невозмутимости и поинтересовалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.